

Сергей Ефимия
МЫ КТО КАТИТ ЭТОТ МИР

16+

Сергей Владимирович Еримия

Мы, кто катит этот мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63118166

SelfPub; 2020

Аннотация

Реальная история. Правда, все так и было, автор лишь немного приукрасил обыденность, но это вовсе не для того, чтобы обмануть доверчивого читателя, а исключительно с целью добавить красок унылой серости мира. Все крайне просто. Он и она. Имена им ни к чему. Они любят друг друга и у них настоящая жизнь. Есть в ней место шпионским страстям, сериальной романтике, фантастическим полетам в ближний космос и необычайно яркой в своей заснеженной однотонности зимней сказке.

Содержание

Часть первая. Весна	4
Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	42
Глава 4	50
Глава 5	58
Глава 6	89
Глава 7	99
Глава 8	120
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Сергей Еримия

Мы, кто катит этот мир

Часть первая. Весна

Глава 1

Бар на пристани. Мрачное, лишенное всяческой индивидуальности строение с грязно-серыми дощатыми стенами. Безликое оно, слегка покосившееся, неприметное, словно сошедшее с киноэкрана, на котором демонстрировался фильм с изрядно затасканным полудетективным сюжетом. Будто заслуженно позабытый его проектировщик изначально задался целью построить по-настоящему шпионское заведение, массу усилий приложил он, неизвестный, чтобы создать такую себе площадку для randevу рыцарей плаща и кинжала всех мастей и рангов. Да наверняка так все и было, ведь это просто-таки идеальное место для тайных свиданий. Скрытое, удаленное от центра города, к тому же ничем не выделяется оно в ряду таких же дощатых, таких же невзрачных складов и амбаров. Разруха вокруг, запустение, вряд ли в такую глушь забредет случайный человек, а если и забредет, то не станет он хранить в своей памяти ни дорогу к бару,

ни убогие очертания его фасада.

Уныло-мрачную стену уныло-мрачного строения теряющегося на фоне большей частью позаброшенных портовых сооружений, некогда украшала вывеска. О том, что была она, красноречиво свидетельствовал узкий продолговатый прямоугольник светлого дерева над дверью. Оттиск, оставленный солнцем, временем и сыростью. В том месте доски все еще хранили свой изначальный цвет. Чуть более свежий, но не менее мрачный. Немножечко белый, немножечко желтый, цвет древесины, к которой только подбирается время. Не выжгло ее солнце, не раскрасила в густую насыщенную серость влага, что буквально витала в воздухе.

Да, без названия не обошлось, имелась некогда вывеска, вот только давно это было, так давно, что никто о ней уже и не помнил. Забылась она, затерялась в далеком прошлом, как и то, что на ней было написано. Со временем все стало проще, прозаичнее. Немногочисленные завсегдатаи называли заведение просто «Баром», под настроение «Баром на пристани». Свыклись все с отсутствием названия, да никого это и не смущало вовсе. Разве в этом суть? Нет, конечно. Выпивка продается, да и ладно, а любопытство, кому оно надо!

Нет, вполне вероятно, найдись кто-нибудь излишне любознательный да не робкого десятка, кто задался бы целью докопаться до сути, смог бы он пролить свет на все это дело. Мог бы он, гипотетический, набраться смелости и поговорить с барменом, мрачным до подозрительности типом атле-

тической наружности с бегающими пороссячьими глазками. Загнал бы его в угол, расспросил, что называется, с пристрастием, вот тот бы и вспомнил слова, украшавшие мрачный фасад. Нет, мог бы кто-нибудь, мог, но где ему взяться этому смелому и любознательному, да и просто, зачем?!

Печать запустения на зданиях вокруг, ночь, тьма, легкий привкус мистики, густо замешанной на концентрированной таинственности. Со стороны реки медленно и неторопливо подкрадывается светящаяся собственным призрачным светом волокнистая дымка как привет из потустороннего мира и все это в абсолютной просто-таки гробовой тишине.

Русло широкой судоходной реки, приближаясь к городу, круто поворачивало, образуя небольшое пресноводное море. Влага вокруг, капельками на листьях она, слякотью под ногами, водяным паром в воздухе. Хуже всего та, что в воздухе. Малейшее колебание температуры, резкое похолодание, одно из тех, что так часты ранней весной и вот она мистика во всей красе. Скользя по водной глади, с зеркальной ее поверхности плотной белесой стеной на город медленно ползет густой весенний туман. Скрывает он причал, покачивающийся у него деревянный баркас, проглатывает выброшенные на берег рыбацкие лодчонки. Всего мгновение и тонут в туманной дымке ветхие строения. Растекается плотная аморфная масса, наползает на берег, захватывает все новые и новые территории, улицы, кварталы, порою кажется, еще совсем немного и исчезнет город, останется одна лишь непрогляд-

ная толща водяного пара, живая, таинственная, печальная и немного даже романтическая.

Тогда было именно так: прохлада, сырость, темнота. Поздний вечер сдавал свои позиции, плавно перетекая в глухую ночь. Плотная облачность вкупе с вездесущим седым весенним туманом не давала шанса молодой луне, поглощала свет, не позволяя озарить серебряным отблеском мрачную пристань и не менее мрачные строения поблизости. Ночь обещала быть темной, таинственной и по-настоящему шпионской.

Чуть в стороне от входа в бар подмигивал неверным светом фонарь на изрядно покосившемся, как и фасад самого заведения, столбе. Изъеденное короедом бревно, аварийное, как и большая часть заброшенных окрестных строений. На его верхушке, скрытая наполовину разбитым стеклом, жила своей жизнью тусклая и грязная лампочка. Шпионская лампочка, она не горела ровным светом, не пыталась осветить безлюдную улочку, она мерцала, будто сигналы подавала кому-то скрытому в тумане. Ритмично так, размеренно, с точно выверенной периодичностью, предсказуемо, а от того как-то слишком уж печально. Нет, ну, до чего же запоминающийся световой рисунок! Примерно десять секунд ровного слабенького свечения затем серия из пяти блеклых всплесков, после одна яркая вспышка, за ней полминуты абсолютной темноты. Снова свечение, снова всплески, снова вспышка, снова темнота. Так насмотришься и можно запросто под-

даться романтике, представить, что никакой это не столб во- все, это маяк, путеводная звезда, указывающая путь заблудившемуся моряку. Глупая мысль, да и неважно, ведь каждому понятно – ненадолго это, ничего хорошего из электрических подмигиваний не выйдет, пройдет совсем немного времени и все закончится. Перегорит тончайший волосок, превращающий невидимый бег электронов в яркий свет и потеряются мрачные окрестности в еще более мрачной темноте.

Очередная серия ритмичных подмигиваний и вот ситуация начала меняться. Безлюдная улочка перестала быть безлюдной. Подтверждая нелепую мысль о баре, что являл собой пристанище шпионов, на границе освещенного уличным фонарем круга промелькнул силуэт. Человек. Остановился он, замер, выжидая. Вздогнул, огляделся. Секунда, еще одна. Время! Дождавшись момента, когда свет вспыхнет и погаснет, незнакомец бросился к входной двери, схватился за ручку и растерянный замер. Что-то пошло не так. То ли он ошибся в элементарных расчетах, то ли постоянство с которым лампа то загоралась, то вспыхивала, то гасла было обманчивым, но его, застывшего у входа, вырвал из темноты слепящий порожденный электричеством луч. Зажегся свое- нравный светильник, вспыхнул неожиданный свет и вопреки ожиданиям не погас в тот же миг, а продолжал светить ровно и необычайно ярко.

Застигнутым врасплох запоздалым посетителем оказался высокий худощавый мужчина странной наружности. Он был

одет, можно сказать, завернут в длинный черный плащ, под которым контрастно-белым аккордом проглядывал тонкий шелковый шарф. Голову незнакомца украшала старомодная черная фетровая шляпа с широкими полями, что не скрывала, но хоть немного упорядочивала длинные вьющиеся волосы. Из-под достаточно оригинального головного убора отраженным блеском подмигивал все тот же своенравный фонарь – отражение в дымчатых очках (не самый подходящий аксессуар для любителя блуждать в ночном тумане).

Сбитый с толку неожиданно яркой вспышкой незнакомец застыл. Замер, цепко держась за дверную ручку, стоял неподвижно, нервно оглядываясь по сторонам. Ждал, когда выключится свет? Просто растерялся?

Неважно, но вот он решился. Толкнул дверь, навалился на нее, но та не поддавалась. Несколько раз мотнул головой, беззвучно выругался, потянул на себя. В тот миг, когда в дополнение к блеклой лампе улочка озарилась стерильно-белым светом, пробивающимся из внутренних помещений бара, лампа на столбе подмигнула в последний раз и погасла, как и мигала, медленно и печально, подарив напоследок окрестностям густой сумрак весенней ночи.

Незнакомец, чей силуэт так некстати вырвал из объятий темноты своенравный подмигивающий фонарь, переступил через порог, демонстративно вытер ноги о коврик, захлопнул за собой дверь. Наклонил голову, осмотрел помещение, глядя вверх дымчатых стекол. Не увидел никого, отчего его

настроение чуточку улучшилось. Все-таки приятно осознавать, что никто не стал свидетелем твоего конфуза. Прошел несколько шагов по вестибюлю, более всего напоминающему длинный и широкий коридор, остановился у высокого во всю высоту помещения зеркала. Внимательно, скорее, дотошно себя осмотрел. Прогоняя остатки раздражения, вызванного нелепым инцидентом, его бледное лицо озарила почти искренняя улыбка.

Минуту, никак не меньше, он изучал свое отражение. Возможно это лишь видимость, но казалось, картина в целом его устраивала. Об этом свидетельствовала улыбка, которую невозможно было погасить. На это же намекал и блеск глаз, который не могли скрыть даже темные стекла солнцезащитных очков. Нравился он себе, да точно нравился, что в принципе и понятно. Безукоризненный вид, пожалуй, единственная деталь, которая портила общее впечатление – опущенные плечи, последствие все той же недавней истории с фонарным столбом. Что ж это несложно исправить – достаточно просто выпрямиться.

У противоположной от входа стены в углу, отведенном под гардероб, промелькнула тень. Силуэт. Послышалось покашливание, скорее, кряхтенье, за ним глухой скрип – звук, издаваемый тяжелым стулом, который волочат по полу.

Вынужденный оторваться от созерцания своего отражения незнакомец резко развернулся. Исключительно рефлекторное движение – правая рука скользнула под плащ, в тот

же миг послышался звонкий металлический щелчок.

– Верхнюю одежду оставить не желаете? – покачивающаяся на фоне нескольких разноцветных курток тень превратилась в невысокого худого старичка с по-настоящему женским лицом. Тот курил дешевую сигарету, часто кивал и натянуто улыбался.

Скрытые за дымчатыми стеклами глаза внимательно осмотрели гардеробщика. Лицо, фигура, взгляд, все это казалось знакомым, слишком знакомым. Да, они точно пересекались, но вот где, вспомнить не удавалось. Обрывок мысли кружил вокруг, дразня, но в руки не давался.

Похоже, старик думал о том же притом не столь безрезультатно. Во всяком случае, присмотревшись к посетителю, он странно задрожал, ступил шаг вперед, нервно огляделся, словно искал поддержки. Улыбнулся фальшивой улыбкой и демонстративно положил обе руки на стойку перед собой. Застыл, продолжая порциями выпускать густые клубы сизого дыма, узловатые его пальцы часто вздрагивали.

«Мрачный субъект этот гардеробщик, точно как и сам бар. Ветхий, можно сказать, покосившийся, черные глубоко посаженные глаза кажутся единственной по-настоящему живой деталью сморщенного, застывшего, будто каменного лица. Женского лица. Вот если бы не мятые брюки и такой же мятый пиджак, я бы решил, что это не старик, а старуха», – продолжал физиогномический анализ посетитель. Да, не поспорить, он прав, глаза старичка действительно каза-

лись неуместной деталью на общем невзрачном фоне. Добавлял колорита и огонек сигареты, вспыхивая, он играл отражениями в глубине, кажущихся оттого агрессивными, зрачков.

Лишь несколько мгновений потребовалось, чтобы оценить ситуацию и сделать вывод – при всей своей общей колоритности, старичок не опасен. Посетитель расслабился. Убрал руку из-под плаща, улыбнулся слегка виноватой улыбкой и отрицательно покачал головой. Похоже, он хотел что-то сказать, но передумал. Отступил на шаг назад, бегло окинул взглядом практически пустой гардероб. Отвернулся. Прошел мимо стойки, подошел к неплотно закрытой двери, сквозь щель в которой пробивалась тихая музыка, ее заглушали чьи-то невнятные голоса.

Проводив взглядом посетителя, старичок немного потоптался на месте, вздохнул, мрачно глядя на пустые крючки для одежды, растерянно пожал плечами, от чего его вид стал еще более печальным, а то и вовсе жалким. Услышал, как открылась дверь, вздрогнул, будто что-то вспомнил. Сел на скрипучий стул, извлек из-под стойки толстую тетрадь в потертой обложке с изображенной на ней схемой какой-то молекулы, взял ручку, посмотрел на потолок, опустил глаза и принялся что-то писать.

Незнакомец по обыкновению задержался на пороге. Осмотрелся. В очередной раз отметил, что внутри заведение гораздо привлекательнее, нежели снаружи. «Не высший

класс, конечно, тем не менее, на стенах свежие обои с фальшивой позолотой, да еще и эффектно дополненные панелями самого настоящего дерева. Огромная люстра на потолке, стилизованная под древность, новая мебель, словом, красота! Вот еще бы камин поставили, так и вовсе домой уходить бы не хотелось», – кратко резюмировал он то, что увидел, кивнул своим мыслям и еле заметно улыбнулся.

Наметанным цепким взглядом он окинул практически пустой зал. На долю секунды задержался на лице каждого посетителя. Быстро вычислил двоих «новичков» – мужчин среднего возраста, сидевших за столиком неподалеку от маленькой сцены. Те пили пиво из больших стеклянных кружек (по всему видно, это далеко не первая порция!) и о чем-то эмоционально спорили. Собственно и все.

На лицо позднего посетителя напоззла тень. Похоже, он чуточку расстроился. Не любитель пустых залов? Вряд ли. Скорее всего, он кого-то рассчитывал встретить, а вот не случилось...

Прошел дальше. Остановился. Приветливо кивнул завсегдаю – бородатому мужичку неопределенного возраста, что дремал в дальнем конце стойки, используя телефон вместо подушки. Тот открыл один глаз и попытался что-то сказать, но в результате только невнятно замычал. По большому счету, он сделал все что мог. Не надо требовать от него большего, пусть себе спит.

Посетитель расположился на высоком стуле у стойки, по-

ерзал, устраиваясь, кивком подозвал бармена. Вопроситель-но посмотрел в глаза главного по «горячительному». Тот отрицательно мотнул головой, судя по всему, это означало «нет», но жест какой-то слишком уж резкий. «Нервы? Интересно! Из-за чего нервы? Кто-то успел испортить настроение? Скорее всего, как минимум, возможно».

Надо заметить, что бармен и раньше отличался излишней нервозностью, постоянно какой-то дерганый, вспылчивый, моментально срывается на крик, но в тот раз был явный перебор. Чрезмерно отрывистые движения, непроизвольно подмигивающее веко плюс густая тень растерянности во всем облике. Словом, на лицо полный набор признаков человека, который что-то скрывает, а это попросту не могло ускользнуть от наметанного глаза настоящего мастера своего дела, профессионала, для которого наблюдательность не просто черта характера, а непременное условие для выживания. Сомнений нет, что-то произошло, что-то изменилось, вот только что именно?

– Нет, пока не было, – пробормотал бармен, целиком и полностью отдавая себе отчет в том, что дрожащие руки выдают волнение, но не в силах ничего с ними поделать. Быстро нашелся – схватил тряпку и с деланным рвением принялся тереть поверхность столешницы. Дрожь, конечно же, не прошла, зато теперь она не так сильно бросалась в глаза.

– Ладно. Слушай, а там за столиком у сцены кто это? Раньше я их в твоём заведении не видел, – сделав вид, что не за-

метил нервозности бармена, продолжил допрос посетитель. Он побарабанил пальцами по идеально чистой стойке и кивнул в сторону незнакомых ему мужчин, ругающихся за кружкой пива.

– А, эти. Да так, проезжие. Дальнобойщики. Фура у них на трассе стоит, говорят, не срослось. Проблемы с разгрузкой, клиент от товара отказался или что-то в этом роде. Теперь ждут команды начальства, вот решили расслабиться, – шепотом отчитался бармен. Дрожащие руки перестали тереть стойку, да и нервный тик прошел.

«Успокаивается. Пытается взять себя в руки? Похоже. Что-то задумал? Нет, не думаю, просто это не они, только и всего. Но опять-таки непонятно, в чем причина недавнего волнения? Я уже без малого неделю каждый вечер захожу, многое видел, легкая дрожь, нервы, ругань, но чтоб вот так! – подумал посетитель, продолжая рассеянно барабанить пальцами по стойке. – Нет, ну почему же ты так нервничаешь? Кто тебя нервирует?»

Оглянулся. В зале действительно негусто. Да, все тот же вечно пьяный мужичок у стойки. Далее двое старых знакомых из местного «уличного спецназа», одинаково мрачные типы, с ними как-то приходилось работать (полезные люди, такие за деньги могли сделать что угодно). Кто еще? Ну конечно! В дальнем углу дружно захохотали грузчики из соседнего склада. Примечательные личности – четверо молодых парней, сутками пашут как проклятые, по вечерам на-

пиваются до беспамятства, утром же снова на каторгу, зато всегда довольные и счастливые. Наверняка они и мешки ворочают с улыбками на лицах хоть и со шлейфом мощнейшего перегара. Похоже, тот день у них был особый – разбавляя чисто мужской коллектив, за столиком сидели три девицы не первой свежести. Последними же в «переписи» посетитель числились две дамы, сидевшие за ближайшим от веселой компании столиком. Они поглядывали на парней с каким-то ленивым любопытством. Местные «жрицы любви», то ли искали клиентов, то ли отдыхали после напряженной трудовой смены.

– Уныло, а от того чуточку тоскливо...

– Что вы сказали? – нервно вздрогнул бармен и снова схватился за тряпку.

– Да не волнуйся ты, все нормально, – только теперь посетитель вспомнил о своей шляпе. Снял ее. Аккуратно положил на стойку, повернул к себе «лицом» разгладил поля. – Значит, ты говоришь, меня не спрашивали?

– Так и есть. Никто. Выпьете? Вам как обычно? – бармен отбросил тряпку, извлек из-под стола большую бутылку, после с ловкостью иллюзиониста материализовал из воздуха стакан с квадратным дном.

Посетитель покачал головой.

– Знаешь, а налей-ка ты мне кружечку пива, темного, – неожиданно для самого себя выпалил он и пожал плечами. Пиво никогда не числилось в списке излюбленных его напит-

ков, но почему бы хоть не попытаться разнообразить свою жизнь... – Вот выпью по-быстрому и...

Бармен вздрогнул, в его глазах блеснул злобный огонек, что не могло ускользнуть от наблюдательного посетителя. Тот даже улыбнулся, мысленно.

– Сегодня я бы посоветовал вам задержаться, – бармен снова начал нервно дергать головой, но и это еще не все, сквозь вновь проявившееся волнение пробивались нотки самого настоящего смеха. К чему бы это? – У нас сегодня вечер песни, живой звук!

– Даже так! Не ожидал. Только как-то пусто для серьезного выступления, – похоже, слова бармена заинтересовали того, кому они были адресованы, вне всякого сомнения, под плащом и старомодной шляпой скрывался ценитель хорошей музыки.

– Так и есть, но это нормально. Еще не время. «Музыкальные гурманы» являются позже, как правило, за пару минут до начала концерта. А до него еще целых полчаса. Так что вы решили?

– Разве тут откажешься! Хорошая музыка это всегда хорошо. Слушай, я сяду за столик, вот этот, к примеру, что прямо перед сценой. Неси мне туда пиво, и это... «как обычно» тоже захвати, только сегодня двойную порцию.

«Похоже, вот и причина его волнений, – рассеянно подумал он. – Этот скользкий тип хотел, чтобы я непременно задержался, но опять-таки, зачем?»

Игнорируя довольную улыбку бармена, человек в плаще отвернулся. Еще раз осмотрел зал, неожиданно для самого себя заметил двоих посетителей, которых раньше не видел, причем не видел не только в другие дни, но и в тот самый вечер, что само по себе странно, ведь пока он сидел у стойки, в зал никто не заходил, как, собственно, и не выходил. Эта деталь занозой засела в его сознании, не желая ни улетучиваться, ни принимать более или менее осмысленную форму. Причина тому понятна, это все их вид, одежда, точно как и на нем, на них были черные плащи, на столах лежали фетровые шляпы...

Он попытался отмахнуться от бессмысленных мыслей, подошел к круглому столику у сцены. Место на двоих. Удобно, кроме того, совсем рядом с продолжающими ругаться дальнобойщиками. Да, те беспокоили ночного посетителя гораздо больше, чем странные личности в плащах, слишком уж вид у них обычный, простая одежда: джинсы свитера. Подозрительно! Это именно то, что сделает незаметным любого, поможет затеряться в толпе.

Устроился. Наклонил голову, скосил глаза, стараясь рассмотреть обоих своих соседей, не выказывая особого к ним интереса. Ничего. Повернулся, посмотрел на них не таясь, хотел даже гримасу какую-нибудь отвратительную скорчить, но передумал. Нет, это не глупости, да и не собирался он вывести их из условного равновесия, тем более спровоцировать драку, просто ждал хоть какой-нибудь реакции. Любой,

внятной, но опять-таки нет, ничего подобного. «Или я действительно им неинтересен, или я чего-то не понимаю...»

У столика материализовался бармен все с той же отвратительно-приветливой улыбкой, более всего напоминающей ехидную ухмылку на лице. Низко заискивающе поклонился, подражая официантам высокого класса, нелепо пряча руку за спиной, поставил на столик массивную кружку, рядом с ней внушительный стакан со светло-коричневой жидкостью, в которой плавал, покачиваясь, большущий кусок сине-прозрачного льда, просто-таки айсберг в небольшом локальном океане. Кивнул, удалился.

Прошло еще несколько минут, обстановка в зале начала меняться. Внезапно сталолюдно, даже слишкомлюдно. Один за другим в дверном проеме проявлялись силуэты. Посетители останавливались на пороге, точно как и он несколькими минутами ранее осматривали зал, поглядывали на тех, кто уже устроился. Почти каждый взгляд задерживался и на нем, изучали его, рассматривали, что изрядно злило. Конечно, можно было подумать, что причиной подобного явления служил черный плащ да шляпа на столике, но ему казалось, что корень проблемы гораздо глубже.

Более всего раздражало и беспокоило неприкрытое любопытство новых людей. Благо таковых было совсем немного, всего четверо. Две пары, двое мужчин со спутницами. Вне всякого сомнения, в заведении они впервые. Стараясь выглядеть беззаботными, они вертели головами, осматриваясь,

неубедительно изображали бурное веселье и непринужденный разговор. Правда, его беспокойство скоро ушло. Устроившись за соседним столиком, мужчины тут-таки достали сигареты, женщины, чуть натянуто улыбаясь, принялись о чем-то шептаться. Одна из них, не переставая, теребила обручальное кольцо, краснела, искоса поглядывала на своего спутника.

– Ну, нет, это точно не по мою душу! Чую, тут попахивает адюльтером, ой попахивает! Оттого некая скованность, пробуждающая во мне вполне себе профессиональное любопытство, – легкая улыбка коснулась его губ, она грозила перерасти в залиvistый смех, но вот...

– Добрый вечер, дамы, мой привет вам, господа! – на сцену взобрался бармен, каким-то чудом превратившийся в заправского конферансье. – Так сказать, рад приветствовать всех вас в нашем заведении! Не зря вы сегодня пришли, ведь только для вас и только этим вечером у нас живой звук. Да, сегодня вечер песни! Прошу поприветствовать нашу очаровательную гостью, для вас поет... – он замялся, вопросительно посмотрел за штору, игравшую роль кулисы, ненатурально рассмеялся, – для вас поет наша гостья!

Самозванный конферансье растворился в складках ткани, свет в заведении погас, но лишь на несколько секунд, а когда снова вспыхнул, все было по-другому. На сцене, на возвышении, стояла девушка. Ее идеальную фигуру выгодно подчеркивало длинное облегающее черное платье с глубоким выре-

зом. Лицо прикрывала легкая вуаль, которая придавала певице особого шарма, не скрывая, а лишь чуточку сглаживая приятные черты лица. Из-под широкополой шляпы на плечи спадали длинные вьющиеся волосы удивительного каштанового цвета. Она молчала и чуточку смущенно смотрела в зал, смотрела на него?

Он застыл. Рука, державшая стакан остановилась на полпути, рот приоткрылся, ожидая свежую порцию горячительного напитка, да так и остался приоткрытым. Отлично понимая, что выглядит нелепо, он не мог себя заставить ни поставить стакан, ни закрыть рот. Тело отказывалось повиноваться. Вокруг лавиной нарастал гул, зрители перешептывались, обменивались впечатлениями, а он все молчал не в силах даже пошевелиться. Сидел, медленно мигал глазами и с нетерпением ждал продолжения.

Вот и оно, продолжение. Удивительно нежным движением руки она коснулась серебристой сеточки, украшавшей микрофон, несколько раз пальцем постучала по ней, заставив динамики отозваться глухими ударами. Кивнула, будто поздоровалась. Сняла микрофон с подставки, чуточку смущенно опустила голову и запела.

Зал, который при первом появлении очаровательной певицы заметно оживился, затих. Смолкли смешки, прекратился шепот, даже звуки дыхания десятков зрителей и те растворились в божественном ее голосе.

Время сорвалось с места, стремительно промчалось ми-

мо восторженных ценителей музыки и исчезло, скрылось далеко впереди, но не волновал никого его неудержимый бег. Отошло оно на задний план, важней всего была музыка. Песни. Много песен, тихие и печальные, быстрые и ритмичные. Разные напевы, разные языки, разный темп, одно их объединяло – звучанье. Удивительное звучание, превосходный голос, дополненный мастерской игрой невидимых музыкантов. Так сразу и не скажешь, а была ли музыка, может, был только голос, затмевающий все, божественный ее голос.

Шквал аплодисментов вырвал его из состояния счастливой протрации. Отяжелевшая рука не смогла удержать стакан, тот со звоном свалился на кафельный пол и разбился на тысячи мельчайших осколков, но этого никто не заметил, аплодисменты и крики «Браво!» затмили все другие звуки. Встрепенувшись, понимая, что все давно аплодируют стоя, он поднялся, практически подскочил...

– Спасибо! – томным голосом прошептала певица. Она поклонилась, быстро, кивком, кажется, все еще смущаясь. Обернулась и скрылась за плотной стеной тяжелого бархата занавеса.

Стоило ей уйти, аплодисменты прекратились. Большинство посетителей, продолжая на ходу обмениваться впечатлениями, направились к выходу, в холл за одеждой и дальше по домам. Остальные, кому спешить было некуда, как те же дальнобойщики, вернулись к своим напиткам.

Он же почувствовал себя абсолютно разбитым. Рассеянно

огляделся в поисках бармена. Вместо этого увидел «двойняшек» в плащах, которые взглядами четырех глаз буквально прожигали его. Странное дело, но теперь они его и вовсе не беспокоили, потерялся он в удивительном голосе прекрасной певушки, не было ему дела до всего земного...

Среагировав на призывный жест, рядом со столиком появился бармен. Наклонился, по-прежнему нелепо пряча руку за спиной. Глупый жест, можно подумать, что у него там что-то ценное, важное, краденное, а может и просто камень.

– У тебя цветов случайно нет? – вряд ли это один из тех вопросов, которые можно услышать в баре. Но ведь как стало известно, бармен в этом заведении не только бармен, он конферансье и еще кто знает кто...

– Нет, к сожалению, – похоже, тот даже и не удивился. – Магазинов поблизости также не наблюдается, да вы сами все знаете.

– Ясно. Слушай, есть дело, я бы хотел переговорить с ней. Познакомиться, – он извлек из кармана крупную купюру, демонстративно повертел ее так и этак, с чувством близким к отвращению отмечая алчный огонек в глазах бармена. – Устроишь?

Купюра исчезла в огромном кармане синего передника. Блеск глаз чуточку померк.

– Я спрошу, но если что вы уж не обессудьте!

Продолжая кланяться, бармен зашел за стойку, вошел в дверь, расположенную между полками и пропал. Минуты

сменяли друг друга, ничего не менялось, не было ни ответа, ни самого «посланца». Это начинало злить.

Он резко встал. Двое в плащах, те, что не сводили с него глаз, разом напряглись. Он же не обратил на них ни малейшего внимания. Подошел к стойке, перегнулся через нее, попытался заглянуть в помещение, в котором скрылся бармен, но ничего там не увидел. Поднял перегородку, отделяющую зал от служебной территории, прошел прямо, углубился в лабиринт коридоров, подсобных помещений, комнат и просто закутков.

Последняя по правой стороне дверь была чуточку приоткрыта. Просачиваясь в щель, из помещения вырывался луч зеленоватого света, похоже, это именно то место, куда ему надо было попасть, вряд ли в баре подсобки освещаются так уютно и по-домашнему.

Он постучал. Не дожидаясь ответа, толкнул дверь. Та, скрипнув, распахнулась. В глаза влетел слепящий луч, все тот же зеленоватый, но очень уж яркий. Он зажмурился, но почти сразу поднял веки и часто ними замигал. Увидел изящную женскую фигурку. Это была она. Очаровательная певица в одном белье стояла среди комнаты, кричала и энергично размахивала руками.

Пока он растерянно вертел головой она схватила большой цветок в горшке и метнула в сторону двери. «Вот тебе и букет! А бармен говорил, мол, цветов нет», – промелькнула глупая мысль. Глиняная емкость влетела в стену чуть выше

его головы, раскололась, один из черепков больно ударил в ухо.

– Вон отсюда! – то ли услышал, то ли решил, что слышит он.

Не дожидаясь второго горшка, он выскочил в коридор, где столкнулся с барменом. Тот резко поклонился, попытался улыбнуться, но улыбка совершенно не удалась.

– Я хотел вам передать, – послышалось бормотанье, – она сказала...

– Я уже и сам все понял! – отмахнулся неудачливый ухажер и побрел к своему столику.

Уже через секунду он смотрел на все произошедшее совершенно по-иному. Не было злости, оставалось только легкое смущение. Хотелось улыбаться, да губы и сами расплывались в улыбке. Смешно ведь, как на это ни смотри!

Для одного вечера было достаточно впечатлений. Он прошел мимо столика, на ходу подобрал свою шляпу и направился к выходу, думая лишь о том, что хорошее все-таки дело возвращение отличного настроения! Есть, правда, минусы, трудно сосредоточиться, почти невозможно реагировать на изменяющуюся реальность. Разве можно, улыбаясь своим мыслям, заметить каких-то там мрачных мужчин в плащах! Пусть даже те идут следом и буквально не сводят с тебя глаз. Очень даже вряд ли.

Улыбающийся и лишь слегка раздосадованный он вышел из бара. Остановился на пороге, ожидая, когда включится

своенравная лампочка. Не дождался, похоже, та отработала свое. По-привычке поднял воротник. Решительно шагнул на тротуар, свернул направо и медленно побрел в темноту, туда, где на другом конце города находилась его квартира.

Темнота сделала свое дело. Заставила сконцентрироваться и отбросить неуместную веселость, весенняя прохлада моментально выгнала хмель из головы. Все сразу же стало по-другому, ну, почти сразу...

Он свернул за угол, прошел несколько шагов и вдруг почувствовал слезку. Острое, бодрящее и несколько подзабытое чувство. Давненько за ним не шли, да еще и так открыто, топорно, можно сказать непрофессионально.

Зашевелились мысли. Воображение взялось за дело, рисуя возможные варианты решения проблемы. Забавные картинки получались, полный спектр шпионских штучек, начиная от банального бегства, до физического устранения преследователей. Правда, идея сбежать сразу же отпала, еще чего не хватало!

– Нет, это далеко не лучшее решение, точно как и идея подкараулить преследователей в ближайшей подворотне, чтоб тихонечко с ними расправиться, – пробормотал он, постепенно замедляя шаг. – Мало того, что тихонько может не получиться, так еще и пользы никакой. Нет, прежде всего, надо выяснить, что происходит. Что изменилось за последнее время, кому я вдруг стал нужен, кому перешел дорогу, да и просто, кто следит, зачем?

Все так же спокойно, по-прежнему не оглядываясь, он перешел на другую сторону дороги. Прошелся по тротуару, свернул в ближайший переулок, рассчитывая кратчайшим путем выйти на центральный ярко освещенный проспект. Там можно будет рассмотреть тех, неизвестных, а уже после...

Глухой хлопок, нечто сродни звуку, с которым на землю падает тяжелый мешок, прозвучал в узком переулке, отражаясь от стен зданий и затухая. Практически в унисон с ним послышался еще один такой же. Мгновение и все смолкло. Он мысленно сжался, готовый выпрямиться, как пружина, лишь только это потребуется. Рука нащупала пистолет, холод стали заставил сердце биться спокойнее, размереннее.

Ничего лишь убаюкивающая тишина.

Темнота переулка осталась позади. Ярко освещенная улица. Тихо и безлюдно. Витрина магазина. Освещенное яркими лампами большое чистое стекло. В нем чуточку размытый отразился он, пустой тротуар рядом с ним, точно такая же пустая улица за ним. Никого вокруг, ни души, пусто, а от того чуточку даже одиноко.

Глава 2

Четыре девятиэтажных дома, одинаковые, будто близнецы-братья, расположились они по периметру идеально ровного квадрата, подмигивали окнами, внося некоторое разнообразие в удручающую тьму безлунной и туманной ночи. Мрачноватый район города, не отличающаяся оригинальностью территория для жизни. С виду ничего необычного, с виду стандартный спальный район, но было в нем что-то отталкивающее, пугающее, будто само зло таилось в непрезентабельной серости типовых многоэтажных домов, будто скрывалось оно за разноцветными, эффектно подсвечиваемыми огнями телевизоров шторами.

Он шел домой...

Площадка посреди двора вся заставлена машинами. Вплотную друг к другу, местами и не протиснуться. «Вот же безобразие! Столько места отдали хламу на колесах, нет, чтобы сквер разбить или детскую площадку сделать!» – проворчал он, лавируя между разнокалиберными кузовами. Миновал автостоянку, пошел медленнее, а скоро и вовсе остановился. Медленно обернулся. Прислушался. Покачал головой. Не нравился ему двор, пусть это и его двор тоже.

Абсолютное безмолвие. Сколь сильно бы не обострились чувства, не было слышно ни звука, ни шороха. Вообще ничего, ни шума ветра, играющего с листвой, ни пенья птиц,

которым не спится среди ночи. «Вот есть же что-то удручающее в этой тишине, гнетущее, подозрительное! Не иначе как меняется что-то. Не люблю, когда ситуация выходит из-под контроля. Кто мне расскажет, где те двое, что шли за мною, кто они? Решили обойти, засаду устроить? Возможно, все возможно...»

Подъезд уже близко. Разрывая в клочья изрядно поднадоевшую тишину, где-то вдалеке печально завывала собака. Вторя ей, на другом конце двора громко до истощности хором закричали коты, приветствуя весну. Собака, обрадованная тем, что не одну ее бессонница терзает, зашлась громким восторженным лаем. Все ж разнообразие.

Собачьего энтузиазма хватило лишь на минуту. Умолкли коты, замолчала и она. Снова стихли все звуки, растворившись в тумане, не уgomонилась лишь профессиональная осторожность. Звучала она гулкими ударами сердца, сокращениями сердечной мышцы, что звоном отдавались внутри черепной коробки. Теребила нервы, давила на психику. Плюс еще и предчувствие, никуда от него не денешься, так и пульсирует в голове: «Готовься, скоро что-то произойдет! Ага, не так все просто, как кажется на первый взгляд. Да и на второй взгляд тоже...»

Несколько томительно долгих минут он просто вслушивался в тишину. Ничего необычного услышать не удалось – привычные еле различимые звуки дремлющего двора. Тем не менее, расслабляться не стоило. Ему, человеку далеко

не самой безопасной профессии жизненно необходимо быть осторожным. Всегда, без выходных и перерывов. Торопиться в его деле, это все равно, что спешить на тот свет.

Неспешные шаги времени плавно переходили в бег. Сильно, невероятно сильно захотелось отбросить излишнюю мнительность, отмахнуться от всех, большей частью выдуманных, опасностей и стремглав бежать домой. Захлопнуть дверь, запереться в своей квартире, упасть на диван, закрыть глаза и просто расслабиться.

Массивная дверь, преграждающая вход в подъезд. Скрытое за листом стали устройство противно заскрежетало. Он мысленно выругался и покачал головой. До чего же он ненавидел это новомодное устройство, которое якобы призвано обеспечить безопасность жильцов подъезда, а на деле лишь объявляло на всю округу о том, что ты наконец-то вернулся! «Я его когда-нибудь сломаю, – мрачно подумал он, услышав звук, с которым мощный электромагнит выпускает толстую плиту. – Нет, не буду. Да я бы давно его сломал, но ведь отремонтируют, точно отремонтируют, еще и камеру поставят. Будут не только слышать, что я вернулся, но еще и видеть!»

Шаг в сторону лестницы и новый, еще более отчетливый звук – дверь лязгнула и наконец-то закрылась. Что тут сказать, да, современный подъезд для человека с железными нервами...

В ответ на нажатие кнопки, в глубине шахты лифта что-то громко затрещало, воздух наполнился удивительным за-

пахом озона, словно после грозы. Послышался надрывный гул, за ним скрежет, после глухой удар и тишина, абсолютная и удручающая.

– Лучше бы лифт отремонтировали, чем всякие там домофоны с электронными замками устанавливать, – чувствуя себя старым ворчуном, прошептал он и ступил шаг на лестницу, темную, как ночь, что за пределами дома. – Или лампочки бы вкрутили, хоть через этаж...

Шаг за шагом он карабкался наверх. Поднимал ноги, подтягивался, хватаясь за перила. Оказавшись на уровне пятого этажа, на том рубеже, который он для себя обозначил как «точка невозврата», остановился и серьезно задумался о необходимости заняться спортом, да и правильно это, запустил он себя за последние годы. А как иначе, если не было ни одного серьезного задания, знай себе принимай курьеров, да угощай их в ближайшем баре. Откуда тут взяться здоровью!

Седьмой этаж. Предел возможностей. Ноги дрожат, сердце тщетно пытается выпрыгнуть из груди. Мыслей практически нет, есть только желание, одно, простое и понятное – хочется упасть на ступеньки, растянуться на грязном бетоне и не двигаться, как минимум, ближайшие несколько часов. Хорошее дело, да он так бы и поступил, удерживало лишь понимание того, что цель близка, еще один этаж, всего лишь два пролета.

Вот и она, цель и мечта «в одном флаконе» – обитая растрескавшимся дерматином дверь, блестящие, отражающие

случайный огонек цифры. Два и шесть. Его квартира.

Несколько томительно долгих минут потребовалось, чтобы восстановить дыхание и заставить чрезмерно резвое сердце забиться в нормальном темпе.

Последнее усилие. Практически беззвучно провернулся механизм замка. Фонарик, спрятанный в корпусе дешевой пластиковой зажигалки, осветил полотно двери. На мгновение задержался в верхнем правом углу. Там практически незаметная на фоне коричневой обивки покачивалась в колеблющемся свете нитка – маячок, примитивная сигнализация на случай неожиданных гостей. Кажется, сюрпризов не ожидается...

Ключи звякнули и повисли на крайнем левом крючке вешалки. Плащ расположился рядом с ключами, наверх заброшена шляпа. Привычка педанта со стажем – все должно находиться на своих местах! Последний штрих – пистолет поставлен на предохранитель и заброшен в верхний ящик тумбочки. Да, той, что у двери, спорное решение, но привычка есть привычка. Осталась суцья безделица, надо заставить себя добраться до кровати, упасть, закрыть глаза и сразу...

В глубине квартиры что-то щелкнуло. Все моментально изменилось. Не было усталости, напуская лень отброшена, деланная медлительность забыта. Он снова стал собой, тем, кем был всю свою сознательную жизнь.

Рефлекторные движения. Шаг назад. Вжаться в дверной проем, внимательно всматриваясь в темноту. Присесть, лег-

ким движением отодвинуть верхний ящик тумбочки, достать пистолет. Есть! Подражая коту, он прыгнул вперед и совершенно беззвучно приземлился на мягкую ковровую дорожку. Упал. Откатился к стене. Замер. Подполз к арке, отделяющей прихожую от гостиной. Поднялся, вжимаясь в угол. Тихо выдохнул, превращаясь в один сплошной слух.

Абсолютная тишина, ни звука, ни шороха. Действительно тихо, но это ничего не значило. О том, что в квартире присутствует посторонний и что он вполне комфортно себя чувствует, красноречиво свидетельствовал запах – из гостиной, практически неощутимый, выплывал табачный дым. Сигарета, судя по запаху, далеко не самая дешевая!

– Вот тебе и добрый вечер! Попал ты, как давно не попадал. Маячок на месте, значит, это не простой взломщик, решивший перекурить, отдохнуть и расслабиться после «напряженного взлома». Это профи высочайшего класса, следовательно, надо быть готовым к худшему, – пробормотал он, прижимая пистолет к груди.

Зажмурился, глубоко вдохнул, выдохнул. Приготовился. Поднял веки, всмотрелся в темноту. Моментально созрел план. Надо просто дождаться, когда сигарета незваного гостя разгорится особенно ярко, далее, пользуясь тем, что незнакомец будет временно дезориентирован тлеющим у самых его глаз огоньком, кувырнуться, вкатиться в комнату, взять наглеца на мушку, а уж после... по обстоятельствам...

– Вы никогда не замечали, что небольшое количество та-

бачного дыма ничуть не портит атмосферу помещения? Напротив, хороший табак, в разумной концентрации, заметно прибавляет уюта и своеобразного комфорта, – из гостиной послышался удивительно спокойный женский голос. – Кстати, это утверждение справедливо и в вашем случае, когда на первый взгляд само помещение и понятие «уют» кажутся вещами просто-таки из разных миров.

К подобному повороту он точно не был готов. Одно дело палить по обнаглевшему визитеру, а совсем другое...

Мягко щелкнул выключатель. Торшер. Гостиная осветилась приятным приглушенным светом с теплым желтым оттенком. Не особо напрягаясь, его воображение нарисовало картину: его торшер, ее рука, резкое движение вниз. Исключительно из-за неординарности ситуации воображаемая рука оказалась в перчатке, нейлоновой, как чулок, черной, сетчатой, ажурной, легкой, тонкой, выгодно подчеркивающей женственность ее хозяйки.

– Нет, но это невежливо! Мягко говоря. Может, вы все-таки соизволите войти? Имейте совесть, я у вас в гостях, а вы от меня в коридоре прячетесь! – по-прежнему спокойный тон слегка разбавили смешливые нотки. – Проявите уважение к женщине!

Он заставил себя опустить руку с пистолетом, палец машинально коснулся флажка предохранителя, но так и замер на нем – разоружаться все еще слишком рано. Шагнул в гостиную. Прошел два шага. Остановился.

В дальнем углу комнаты, в кресле, по-детски поджав ноги, сидела девушка. Чтобы удобнее устроиться, ей пришлось высоко поднять подол платья. Она курила, внимательно смотрела на тлеющий огонек своей сигареты, выпускала длинные и тонкие струйки дыма. Платье, фигура, лицо, шляпка, даже вуаль, заброшенная наверх как косынка, все твердило о том, что именно ее он видел в баре, именно она пела, и она же метала в него цветочные горшки. Оригинально, что тут скажешь!

– Как-то я действительно не подготовился к такому вот повороту событий, – пробормотал он, по-прежнему стоя среди комнаты и удивленно мигая глазами.

Ночная гостья повернулась к нему. Внимательно его осмотрела, несколько раз задумчиво кивнула. Проследила за его взглядом, пожала плечами, опустила глаза, фальшиво изображая скромность, сделала вид, что пытается поправить платье. Развела руки, мол, не получается, улыбнулась, кивнула в сторону другого кресла, заодно подмигнула.

– Спасибо! – он будто только сейчас очнулся.

Прошел через всю комнату, демонстративно не глядя на нее и ее шикарные ноги, чем вызвал искренний смех и шутовливое замечание. Сел в кресло, внимательно всмотрелся в темный прямоугольник окна.

– В вашем городе так часты туманы... – медленно, тщательно выговаривая каждое слово, произнесла она.

– Весной всегда так. Река рядом, понимаете ли, испарение

воды, перепад температуры... – начал он и запнулся. Вздрыгнул, приподнялся, практически вскочил, повернулся к ней и наткнулся на смеющийся взгляд. – Да, из-за тумана ни звезд, ни солнца не разглядеть! Но как? Это вы? Нет, не может быть. Зачем?!

Лишь теперь он вспомнил о пистолете, который по-прежнему держал в руке. Пальцы сами собой разжались, толстый ковер поглотил звук падения.

– Ладно, но если вы прибыли передать сообщение, зачем надо было «светиться»? Поговорили бы в баре, тем более я... – продолжал он.

– Этого требовали обстоятельства, кроме того, я и не курьер вовсе...

Громко и обрывисто прозвучал звук удара в стекло. Стук в окно, восьмой этаж?

Девушка вздрогнула и резко повернула голову, в ее руке материализовался маленький, но вряд ли игрушечный пистолет. За стеклом, нереальный и неестественный в теплом свете торшера виднелся голубь. Его черные глазки внимательно вглядывались в происходящее в комнате. Наверняка подглядывание ему нравилось, как минимум, забавляло.

– Кое-что я и сам в состоянии понять. У вас наверняка серьезное задание, более того, оно секретное, – он поднялся и подошел к окну. Любопытная птица лениво взмахнула крыльями, подогнула лапки, но не улетела. Напротив, громко цокая коготками, голубь прошелся по металлу, защищав-

шему оконный проем от дождя, подошел ближе к человеку, наклонил голову, будто поздоровался. – Что же ты такой настырный!

Голубь не реагировал ни на постукивания по стеклу, ни на взмахи руками, лишь после того, как окно было плотно зашторено, обиженно мотнул головой и улетел в непроглядную ночную мглу.

Несколько минут в комнате звенела тишина. Он думал о том, что нелишним было бы предложить ей выпить, пусть лишь только кофе. Думал, но сомневался, не мог предугадать, как она к этому отнесется, глупые сомнения! Она же внимательно смотрела в его глаза, читала его мысли и ей это нравилось. Ситуация забавляла, ее бездонные глаза светились, в них притаился смех, она с трудом сдерживалась...

– Нас интересует одно местное предприятие, – несмотря на хоровод смешинок в глазах, говорила она вполне серьезно. – Завод «Фарм-Элита», если быть точным.

– Да, знаю, есть такой. В промышленной зоне расположен, на южной окраине, – в ответ он медленно пожал плечами. – Только нет там ничего сколько-нибудь интересного. Последние полстолетия выпускает какую-то химию, экологию портит. Кажется, в девяностых его выкупил тогдашний директор, с тех пор он и является единственным владельцем. Пересекался я с ним несколько раз, отвратительный субъект...

– Так вот, есть веские причины предполагать, что загрязнением окружающей среды этот гигант химической про-

мышленности не ограничивается. Факты свидетельствуют о том, что основная продукция завода – отравляющие вещества. Именно так, химические соединения из числа боевых ядов запрещенных всеми договорами и конвенциями, – она медленно кивнула, силясь придать больший вес своим словам.

– Не могу сказать, что меня это удивляет. Летом в жару над цехами предприятия облака какой-то отвратительной субстанции витают, нечто ярко-салатного цвета, еще и шевелится оно, будто живое. От этой пакости листья на деревьях осыпаются, а трава буквально выгорает. Помнится, года два или три тому назад общественность не выдержала, взбунтовалась. Митинг был, требовали провести расследование, комиссия приезжала, целый десант телевизионщиков высадился, да следствие и провели. Громкое было дело, правда, закончилось ничем.

– Вот именно поэтому я здесь. Всплыла нехорошая история. В поле зрения компетентных органов попал один чиновник, принимавший участие в той самой проверке. Не просто попал, а погорел на взятке. Обыски, конфискация, все такое. Обнаружились занимательные документы. Передали в наш отдел. Бумаги оказались актами проверки вашего завода, первыми, так сказать, экземплярами. Конечно, прямых доказательств пока нет, иначе действовали бы по-другому, зато косвенных просто-таки вагон.

Демонстрируя чудеса гибкости, она свесилась с кресла,

коснулась пола, пошарила рукой по ковру, нащупала свою сумочку. Подняла. Взглянула на собеседника, заговорщицки подмигнула. Достала длинный тонкий мундштук, сигарету. Внимательно осмотрела ее, оторвала фильтр, бросила на столешницу, которую превратила в большую пепельницу, взяла мундштук двумя пальцами, вопросительно кивнула. Он кивнул в ответ, наклонился вперед, громко в ночной тиши заскрежетал кремень зажигалки, высекая искры. Отражение огонька вспыхнуло в глубине ее глаз, разгоняя резвящиеся в них смешинки.

Она выпустила длинную струю дыма и продолжила:

– План крайне прост. Имеем легенду – я аспирантка столичного университета, на интересующее нас предприятие направлена на практику. Документы, само собой, в порядке, знаний мало, но они есть, учитывая нынешний уровень образования более чем достаточно. С этим все ясно. Дальше, я проникаю внутрь, осваиваюсь, вникаю во все тонкости производства, добываю информацию. Вы – обеспечиваете мою безопасность. Вопросы?

– Так вы оказывается химик? Оригинально! А как же выступление в баре? Вы отлично пели, – выдал он первое, что пришло на ум.

– Одно другому не мешает, к тому же это мой метод – я должна сразу привлечь к себе внимание. – Кстати, это работает. Вы заметили, что за вами шли? Именно так, мне пришлось вмешаться.

«Вот оно как! Ладно. Нет, но странная логика, – мрачно подумал он, медленно покачивая головой, – хотя, ей виднее».

– Нет вопросов! Правда, как-то все это немножко нелогично, на мой взгляд, но кто я? Вымирающий вид. Динозавр! Нет, я все понимаю, времена меняются, новые методы... – он начал думать вслух. – Неважно все это. Я вот что подумал, получается, завтра вы отправляетесь на задание. Какие бы времена ни были, но начало нового дела полагается обмыть, иначе это не по-нашему как-то. Новое задание, новое знакомство, вы моя гостья, поводов больше чем требуется. Что скажете, выпьем?

В ее глазах блеснул, разгораясь, огонек сигареты. Ответа не последовало, его заменила чуть заметная полуулыбка. Было в ней что-то загадочное, что-то сродни вызову, лукавство, смех...

– Могу предложить шампанское. Полусухое. Сохранилась у меня бутылочка коллекционного, что скажете?

Продолжая загадочно улыбаться, она медленно склонила голову, словно тот голубь, что недавно заглядывал в окно, нет, чем не знак согласия?!

С громким хлопком пробка вылетела из бутылки, ударилась в потолок чуть левее люстры, срикошетила и врезалась в стеклянную дверцу книжного шкафа. Та торжественно зазвенела, приоткрылась, но не треснула, отличный знак! В дополнение к триумфальному перезвону послышался искрен-

ний залиvistый смех. Он посмотрел на нее, она смеялась, так живо, так весело, так естественно, так заразительно. Ее глаза светились, но теперь в них блеснул не переменчивый огонек сигареты и даже не вспышки резвящихся смешинок, то был блеск веселья, отблеск удовольствия, что граничит с подлинным счастьем.

Он подал ей бокал, присел на валик кресла, будто невзначай положил руку ей на коленку.

– Выпьем за знакомство, на брудершафт, до дна!

Следуя правилам игры, их руки переплелись, стенки бокалов соприкоснулись, хрустальный звон заполнил комнату. Секундная пауза. Бокалы осушены. На ее лице проявился слабый румянец, она запрокинула голову, прикрыла смеющиеся глаза. Он крепко обнял ее, прижал к себе, коснулся губами ее губ, на мгновение она расслабилась, поддаваясь страсти, но тут-таки напряглась и с силой оттолкнула его. Не усидев на округлом валике, он с грохотом свалился с кресла.

– Вот тебе! Запомни, я не из тех, кто кидается на первого встречного! – она поднялась, поправила платье. Гордо подняла голову, вздернула носик, модельной походкой прошла по комнате. Остановилась на пороге, обернулась, выронила сумочку, побежала к нему...

Глава 3

Он никогда не любил весну. Раздражала его чавкающая под ногами вязкая взвесь из снега воды и грязи, слякоть задавливала остатки сколько-нибудь приличного настроения, понимала до костей весенняя прохлада, чрезмерно пресыщенная сыростью. Все это унылое разнообразие давило на него, пробуждая подлинную печаль, то отвратительное чувство, от которого можно скрыться разве что в своей квартире. Возникло непреодолимо-острое желание поступить именно таким образом, исчезнуть хотелось, потеряться, спрятаться от реальности, вот только сложно это, более того, практически невозможно. Нельзя полностью оградить себя от окружающего мира, пусть как бы сильно он тебе ни надоел. Так уж устроена жизнь, надо хоть изредка выходить из дому, надо, пусть даже этого меньше всего хочется...

Туман. Особое погодное явление. Мрачное уныние в его серой непроглядной массе намертво переплелось с загадочностью и романтизмом. Удивительное явление, простое и понятное, но волшебное и чуточку пугающее. Живет оно, меняется, разрастается. Поднимается водяной пар, густеет и клубится, сталкиваясь с прохладой весеннего воздуха. Скрывает туман слякотные кварталы, прячет их за густеющей пеленой, приглушает краски, сглаживает контрастные детали. Удивительное преобразование. Даже ветхие, дав-

но требующие ремонта здания, прикрытые туманной пеленой, выглядят не так уж и уныло, появляется в их размытых очертаниях некоторое очарование, легкий и недолговечный шарм туманного города.

Концентрация пресыщенной сыростью дымки все увеличивалась. Туман уже не просто сглаживал недостатки серой улички, он проникал вглубь домов, пробирался в каждую квартиру, да что там в квартиру, он забирался в черепные коробки владельцев недвижимости, устраивался там, расплзался, путая мысли, мешая им формироваться. Запутывал, сбивал с толку, заставлял людей совершать глупые необдуманные поступки, принимать неверные решения. Медленно и неспешно шевелились бесполезные мысли, хотелось пройтись, проветрить голову, выгнать из нее этот опостылевший туман, но куда идти, если за окном туманной влажности гораздо больше!

Осторожно, постоянно оглядываясь, он шел вдоль строя жилых домов и всевозможных учреждений. Шел, будто по минному полю, всматривался в непроглядную серость, что витала уже не только вокруг него, но и внизу, под ногами, обходил большие и просто огромные лужи на давно требующем ремонта тротуаре. Мысленно ругал коммунальщиков, качал головой, но медленно и упорно двигался вперед и только вперед. Конечная цель утреннего моциона виделась ему весьма туманно, точнее, он сам не знал куда идет, не мог толком объяснить самому себе, зачем. Просто оделся, про-

сто вышел из дому, лишь только за ней закрылась дверь. Послушно следуя зову сердца, направился в гущу тумана.

Да, была такая глупость, попытался незаметно проследить за ней, с благой, конечно, целью, убедиться, что у нее все получилось, что ей ничего не угрожает. Была попытка, да ничего из этого не вышло. Даже туман не помог, вычислила она его, отчитала. И кто только придумал эти мобильные телефоны!

Столь мелкая неприятность наслοилась на уныние, вызванное туманом, смешалась с ним. Взыграло самолюбие, вздыбилась ущемленная профессиональная гордость, еще бы, его так быстро вычислили, и как после этого он может называть себя профессиональным разведчиком! Нет, все понятно, причина проста – отсутствие практики, это все от длительного безделья, надо тренироваться, надо...

Время, заблудившееся в тумане, неторопливо следовало за ним. Среди одинаковых серых в дымке и унылых в ее просветах домов трудно было уследить за движением воображаемых стрелок, да он и не пытался. Просто брел, обходил лужи, перепрыгивал канавы, спотыкался о многочисленные куски асфальта, сошедшего с тротуара вслед за растаявшим снегом.

С каждым шагом видимость ухудшалась. Все отчетливее ощущалось приближение реки. Об этом упрямо твердил все тот же туман. Влажный воздух, слишком влажный, хранил он смесь из самых разных ароматов. Рыбой пахло, тиной от-

давало, вонюю недавно еще проточного водоема, что неумолимо превращается в болото. Чутьочку воображения потребовалось, чтобы не только почувствовать воду, но и услышать ее. Легкий плеск, то ли реальной волны, то ли ряби предвкушения зазвучал совсем рядом, так таинственно, так маняще.

Айсбергом из густой дымки, унылый и покосившийся, оклеенный старыми объявлениями, на его пути возник фонарный столб. Выплыл из тумана, сформировался из густеющего пара, нереальный и неестественный, как и все, что скрывается в таинственной серости влаги, что парит в прохладном воздухе. Знакомый столб, очень даже знакомый.

Где-то неподалеку скрипнула дверь. Печально так, грустно и чутьочку даже призывно. Будто намекал бездушный предмет на что-то, а то и вовсе звал куда-то.

Он медленно покачал головой, протянул руку, коснулся шершавой древесины, методично ощупал поверхность фонарного столба: продольные трещины, сколы, криво забитый гвоздь, объявления. Наклеенные друг на друга бумажки его заинтересовали. Особенно одна, судя по расположению – самая свежая. Пальцы тщательно ощупали листик, произвольно сорвали его. Чтобы прочесть несколько строчек печатного текста пришлось поднести бумагу вплотную к глазам. Всмотрелся. «Сегодня вечером в нашем баре состоится второй концерт обворожительной...» – прочел он и удивленно огляделся. Темнело. То ли туман густел, то ли прибли-

жался вечер. Не хотелось в это верить, но вторая версия выглядела куда более правдоподобной. Темнело просто на глазах, минута и уже не только текст объявления растаял в сумерках, исчез и сам столб, поглотила его подкрадывающаяся тьма. «Неужели я весь день бродил по городу? И зачем, чтобы прийти во все тот же бар? У меня встреча? Да, с ней, но нет, нет – да! Вот и объявление, это для меня, точно для меня, но все равно не понимаю...» – туманные мысли медленно проползли в глубине затуманенного, как все вокруг, сознания.

Густая дымка задрожала. Покачнулась, будто сдвинулась. Из сплошной серой массы сформировались силуэты. Два, может, три. Они повисели, то ли живые, то ли воображаемые и растворились. Вслед за ними растворился фонарный столб и сам туман, все растаяло, осталось лишь уныние да краткий миг истинного спокойствия...

– Итак, сейчас произойдет событие, ради которого мы все здесь собрались! – вне всякого сомнения, роль конференсье гораздо ближе бармену, чем скучное пребывание за стойкой. – Слушайте, смотрите и наслаждайтесь – на сцене наша обворожительная гостя! Только сегодня и только в нашем заведении поет...

«Поет, это хорошо...» – мрачно подумал он, с трудом отрывая изрядно отяжелевшую голову от стойки. Удивительно, но голова поднялась, более того, удалось ее зафиксировать. В глазах лишь немного потемнело, да пол, как и все,

что на нем стояло, вздрогнул и слегка покачнулся. Пальцы инстинктивно схватились за край длинной узкой столешницы. Глаза несколько раз мигнули, впуская в одурманенное сознание картинки окружающей реальности. Знакомый интерьер. Бар на пристани! Судя по всему уже не просто вечер, а поздний вечер. Он у стойки, спит сидя. Это понятно, а вот почему и как он тут оказался?

– Прошу, ваш столик готов! – конферансье снова превратился в бармена, улыбнулся, широко, подобострастно, но ничуть не искренне. Хотя, вряд ли эти три определения могут стоять рядом. – Присаживайтесь, наслаждайтесь. Ваш напиток!

Все происходило будто не с ним, будто виделось со стороны. Он наблюдал за тем, как ему помогают сползти с высокого стула, как берут под руки, подводят к единственному свободному столику в зале. Усаживают на стул, руки кладут на стол, голову поворачивают в сторону сцены, своеобразная забота о том, чтобы он ничего не пропустил. Так сразу и не скажешь, благодарить за такое вот к себе отношение или совсем даже наоборот.

Странно заторможенное восприятие реальности понемногу возвращалось в норму. Скоро он смог не только удержать голову, но и оглядеться. Повернулся в одну сторону, в другую, увидел знакомую картину – аншлаги. В зале негде яблоку упасть. Заняты все столики, более того, работникам заведения пришлось здорово потрудиться, чтобы рассадить

всех желающих. Количество стульев увеличилось вдвое, тем не менее, большинство зрителей попросту сидели на корточках под сценой или стояли в проходе, ритмично раскачиваясь, мешая смотреть другим. Единственным местом, где не было давки и «подселения» оказался его столик. Уважение или что-то большее?

Еще немного времени прошло. Секунда-две, не более, но перемены разительны! Он уже мог чувствовать свое тело, отчетливо ощущал, как из сознания улетучивается наполнявший его густой непроглядный туман. Сразу стало легко и как-то на удивление спокойно, вот только в спокойствии присутствовал легкий привкус фальши, чуть заметный и, как и все вокруг, туманный.

Гул человеческого улья все нарастал. Шум достиг апогея, когда тяжелое полотнище занавеса, наверняка доставшегося заведению по наследству от какого-нибудь дворца культуры работников речного флота, медленно поползло вверх. Гул моментально стих. Выключился свет в зале, вместо него вспыхнул прожектор, освещая сцену. Там, на круглом пятачке, блестящий отраженным светом, одиноко стоял микрофон.

Мгновение и тишина отозвалась вздохом. «Ах!» – пронеслось в переполненном людьми зале и моментально растворилось в еще более насыщенной тишине.

На сцену вышла она. Выплыла, не касаясь половиц высокими шпильками туфельек. В шикарном белоснежном пла-

ть, поверх которого лежали, волнами, длинные волосы, она казалась ангелом, мифическим существом, олицетворением красоты и живым воплощением женственности. Медленно, очень медленно, она подняла голову, чуть заметно склонила ее. Поклонилась? Ему? Возможно. Подмигнула, запела. Тихо, печально, с все возрастающей громкостью, и нарастающим темпом.

Все растворилось в песне. Забылись мысли, отошли на задний план сомнения. Он больше ни о чем не думал, да и не мог он думать. Он просто сидел, просто слушал, точно как и все в зале, включая двоих точных его «копий», одинаково безликих, похожих, будто братья, мужчин, одетых в длинные плащи и старомодные шляпы. Те, вчерашние? Вряд ли, хотя, какая разница, ведь им также было не до него! Это первые минуты они не сводили с него глаз, но стоило появиться ей, стоило зазвучать музыке, они, как и все прочие попросту потеряли ощущение реальности.

Глава 4

Забавная особенность «шпионского» бара. Достаточно объявить о начале выступления – зал переполнен, а стоит лишь бармену-конферансье взобраться на сцену, пытаюсь глупой шуткой разбавить печаль от того, что концерт закончен – зрители исчезают, просто как тени в полдень. Так и в тот вечер. Отзвучала последняя песня, за ней последовал легкий поклон и все закончилось. Остались лишь завсегда-таи, да и тех немного.

Несколько томительно долгих минут он ерзал на стуле, ожидая ее. Его терзали сомнения, он все не мог ответить самому себе на один простой вопрос – правильно ли поступает, вот так, не скрываясь, не прячась, показывая свое к ней отношение? Правильная ли выбрана стратегия, позволительно ли ему открыто выказывать свои чувства, ухаживать за ней, пусть это только часть игры? С одной стороны, это нормально, она – красивая женщина, он тоже мужчина ничего. Так сказать, почему бы и нет! Но это с одной, а с другой – подобным поведением он ставит под угрозу не только выполнение задания, но и ее безопасность, возможно, жизнь.

«Чего тут гадать? – ответил он своим мыслям. – Не я же это придумал, она сама все спланировала. Моя задача – следовать за ее подсказками, в данном случае просто прийти, сесть и ждать. Вот сижу и жду. Правда, не могу вспомнить,

как пришел, когда. Из глубин памяти выплывает одно лишь блеклое воспоминание: день, пустой бар, стакан, один, наполовину пустой. Опоили? Возможно. А вообще надо с этим делом завязывать и нелишним будет поговорить с ней, как-то все у нас... непрофессионально, что ли...»

Они вышли последними. Зал давно опустел, где-то в глубине лабиринта служебных помещений все еще блуждал бармен, но он не в счет, он не посетитель, а обслуживающий персонал.

Вечер выдался холодным. Под ногами пружинила, потрескивая, покрывшаяся тонким слоем льда слякоть, прогибались подмерзшие лужи, хорошо хоть туман отступил...

– Поздравь меня! У меня все получилось! – совершенно внезапно она остановилась, обернулась, подскочила и повисла у него на шее. Чмокнула в щеку, прижалась всем телом и резко отстранилась.

– Что именно получилось? – он попытался обнять ее. – Извини, но я за тобой не поспеваю. У какой тебя получилось?

– А разве меня так много? – она напряглась, будто намеревалась вырваться из объятий, но тут-таки передумала, обняла его и еще раз звонко поцеловала в щеку.

– Не знаю, сколько именно, но я знаком как минимум с двумя. Одна из них божественно поет, другая мир спасает. Можно еще добавить, что одна страшно любит обниматься, а другая постоянно меня отталкивает...

Она хихикнула, что-то прошептала игривым голосом, точку отодвинулась, внимательно взглянула в его освещенное тусклой лампой лицо, слегка наклонила голову и беззаботно, просто-таки по-детски, рассмеялась. Ее заразительный смех разнесся среди ночной тиши, заставив улыбнуться и его, но лишь немного и слишком уж натянуто.

– Допустим, – продолжала она, – тогда ответь мне, какая из моих сущностей тебе больше нравится? Я способная, я стану именно такой, как ты хочешь. Что скажешь?

Он медленно пожал плечами.

– Не знаю, собственно, ты мне любая нравишься... – он запнулся, подбирая слова, но они не понадобились. Послышался отвратительный шлепок, будто кто-то сплюнул. От стены ближайшего здания отлетел осколок кирпича. Острый камешек пролетел мимо, лишь слегка коснувшись его щеки. – Бежим!

Они бросились к ближайшему подъезду, спрятались за бетонной колонной, поддерживающей козырек. Она доверчиво прижалась к нему и часто дышала, обжигая жарким дыханием. В его руке моментально оказался пистолет. Они замерли. Все замерло. Природа затихла, ни ветерка, ни сонной птички. Тишина и спокойствие, лишь издалека, оттуда, где находился покосившийся бар, долетали тихие звуки, чуть слышимые, но невероятно приятные, там плескались волны, разбиваясь о сваи пристани.

– Кто-то стрелял, – пробормотал он, внимательно взгляды-

ваясь в темноту.

– Уверен? А что если это плод воображения? Может, показалось? – она пожала плечами. Коснулась его щеки, присмотрелась. – Нет, не показалось, камешек, как минимум был. Что ж, это тоже результат. Значит, уже не только тебя заметили, а и меня тоже...

– Ну, то, что меня заметили, это как бы и не новость. Обо мне уже давно всем известно, особо скрываться нет смысла, а вот тебе... – он тщетно попытался расслабиться. – Ладно, идем домой, главное быть крайне осторожными, прислушайся, смотри по сторонам, они могут попытаться снова...

Ничего похожего на покушение более не повторилось. Не было слежки, не было подозрительных субъектов, что крадутся в темноте. Дошли без происшествий. Во дворе также никого не оказалось, из чего он сразу же сделал вполне логичный вывод – никто убивать их не планирует, как минимум, в ближайшее время. То, что произошло – обычное предупреждение. Значит, самое время трезво оценить ситуацию, во всем разобраться и принять решение, по возможности правильное.

Квартира. Гостиная. Расселись. Она устроилась в том самом кресле, села, поджав ноги, поправила полу халата, который предпочла белому платью, достала сигареты. Дотянулась до выключателя торшера. Включила свет, улыбнулась очаровательной улыбкой. Лукаво с вызовом посмотрела ему в глаза. Он же решил не поддаваться ее игривому настрою,

попытался изобразить крайнюю степень серьезности и обеспокоенности, сел на диван точно напротив кресла, внимательно до мрачности посмотрел на нее.

Похоже, подобное поведение изрядно ее позабавило. Нет, она не смеялась, во всяком случае, открыто, но искорки смеха, резвящиеся в глубине прелестных глаз, выдавали веселое настроение, а уголки рта изо всех сил старались сдерживать пробивающуюся улыбку.

– Мы должны позаботиться о твоей безопасности, – без предисловий начал он, – прежде всего, необходимо прекращать вечернее пение, пусть как бы это превосходно у тебя ни получалось, далее...

– На территории завода расположен подземный цех, – открыто игнорируя его слова, начала она. В бездне прелестных глаз по-прежнему перемигивались искорки смеха, но голос был сосредоточенно-серьезным. – Что там производится, я пока не знаю, но почти не сомневаюсь – это именно то, что нас интересует.

– Очень даже здорово, первый день на новой работе и уже все выяснила! – в его тоне не было сарказма, в нем сквозила легкая досада, чувство вызванное пониманием того, что его поставили на место, да еще и так тонко, практически изящно. Нет, в сущности, она права, это ее операция и не ему указывать, что и когда ей делать. – Как же это у тебя получилось?

– Легко, так сказать, и просто! Я смогла понравиться, со-

гласилась на предложение директора отужинать с ним в конце недели, а он лично провел для меня самую настоящую экскурсию. Сам все показал, все рассказал, – она загадочно улыбнулась. – Почти все, в подземный цех меня еще не водили, думаю, это случится только после ужина.

Его лицо заметно помрачнело. Он, конечно же, понимал, что работа на первом месте, но как-то это было слишком.

– Ясно...

– Нет, пока еще ничего не ясно, но не переживай, я непременно во всем разберусь, – она взяла сигарету из пачки, которую уже несколько минут теребила в руках, отыскала в недрах сумочки мундштук. По комнате расползся аромат табачного дыма. – Согласись, все складывается просто отлично, мне, можно так сказать, по-настоящему повезло. Меня заметили, мною заинтересовались, так что я теперь не какая-то там лаборантка, а самый настоящий помощник руководителя предприятия! Красиво звучит, правда?

– Да, секретарша в наши дни как-то... заезжено... – сам себя особо не понимая, проворчал он.

– Знаешь, вот будь я какой-нибудь «фифой», а не кадровым разведчиком, я бы так и сказала «фи»! И вообще, ты не забыл, что твоя задача заключается в том, чтобы помогать мне, а не ворчать по поводу и без повода? Ладно, забыли. Скажи мне, в случае необходимости, сколько найдется людей, на которых мы сможем положиться?

Он медленно покачал головой, поднял глаза, взглянул на

нее, пожал плечами. Ответил:

– На все сто процентов мы можем рассчитывать разве что друг на друга. В случае крайней необходимости можно привлечь еще человек пять. Люди они опытные, кто-то в силовых структурах служил, кто-то совсем даже наоборот, но использовать их придется в «темную». Что называется, без гарантий...

– Ну, это не так уж и плохо, – в ее глазах снова забегали веселые искорки. – Надеюсь, до решительного штурма не дойдет, но кто знает!

– Точно, и опять-таки насчет твоей безопасности...

– Что ты все безопасность, да безопасность! Жизнь скучна, если нет в ней места приключениям, – отмахнулась она. – Не помню, кто сказал, но сказал правильно. И да, касаясь бара и моих концертов. Их больше не будет. Свое дело они сделали. Нет, не смотри на меня так, я всегда знаю, что делаю. По имеющейся информации бармен заодно с ними, с теми, ну ты понял. Бар это своеобразный наблюдательный пункт, один из нескольких. Собственно, я и устроила эти импровизированные гастроли только по этой причине – надеялась разворошить осиное гнездо. Хотя нет, была еще одна – петь хотелось. Да, так уж случилось, что пение я очень люблю, еще и танцами с детства увлекалась. Мое все это.

Он кивнул, чуть натянуто улыбнулся.

– Не скажу, что удивлен, артистизм у тебя в крови. А на счет бармена – охотно верю, он мне никогда не нравился,

скользкий какой-то. Вот и сегодня, подсыпал мне чего-то, отключающего, не знаю только зачем. В чем смысл? Чтобы я из бара раньше срока не ушел? Так я и не собирался... – ему заметно отлегло от сердца. – Слушай, а что если я с ним «побеседую»?

– Не стоит! Он ничуть не опасен. Более того, в крайнем случае, из него можно будет выбить кое-какую информацию. Правда, выбивать придется очень даже сильно.

– Справлюсь, пусть только случай подвернется! – уровень его настроения уверено пополз вверх. – Значит, операция начинается и это хорошо. Так как насчет того, чтобы отметить это событие? У меня тут как раз бутылочка...

– Коллекционного шампанского завалилась? – смеясь, продолжила она. – Может, я что-то путаю, но, по-моему, вчера мы уже отмечали? И знакомство, и начало дела.

– Издержки профессии! Где ты видела толкового шпиона, который бы ежедневно что-то не отмечал, шампанским, да еще и в обществе очаровательной шпионки? Нигде? Вот и я о том же!

Глава 5

Она подошла к зеркалу, посмотрелась в него и медленно покачала головой. Собственное отражение ей ни капельки не нравилось. На мгновение закрыла глаза, снова открыла, стараясь впустить в себя новый образ целиком. Взгляд тут-таки соскользнул вниз. Демонстрируя стиль модных красных сапожек на высокой блестящей сталию шпильке, ступня приподнялась. Острый носок покачнулся, будто стрелка компаса в поиске севера. Фокус сместился выше. Черные ажурные чулки, именно чулки, короткая, слишком короткая юбка не давала шансов каким бы то ни было сомнениям на этот счет. Все яркое, все агрессивное. Красные сапожки, черные чулки, красная юбка, красный жакет, кружевная блузка, тоже красная, ко всему этому прилагался короткий кожаный плащ, как ни странно, черный...

– Слушай, а это не слишком? По-моему, перебор! Нет, оно конечно ярко, эффектно, но... – она оторвалась от созерцания своей агрессивной красоты и повернулась к нему. – Все-таки я помощник директора, секретарша, а не...

– Ну, как ты сама вчера отметила, в первую очередь ты кадровый разведчик, скажем прямо, шпион. Вот для шпионки очень даже отлично выглядишь, я точно знаю! Да и для помощника директора, думаю, тоже вполне себе... стильно. Внимание мужской части коллектива тебе обеспечено, вме-

сто того, чтобы оберегать свои секреты, они глаз с тебя сводить не будут, следовательно, все получится, – трудно было судить, что в его словах искренность, а что банальная насмешка.

– Ты думаешь? – она неопределенно пожала плечами. – Тогда хоть блузку сменю. Надену, к примеру, эту. Нет? Черную?! Ладно. Уверена, хуже уже не будет.

Противно затрещало новомодное переговорное устройство, соединяющее «умную» дверь подъезда с квартирой. В такт треску вспыхнула, подмигивая, лампа.

– Все, за мной приехали. Шеф, лично! Нет, не провожай, не светись, будешь выходить из дому, не забудь маячок оставить, словом, будь паинькой. И да, целовать я тебя не буду, сам виноват, заставил накраситься, как я не знаю...

Задорно подмигнув на прощанье, она подошла к двери. На мгновение замешкалась, будто собиралась еще что-то добавить, но раздумала, вышла, беззвучно захлопнув дверь.

Как только она переступила через порог и оказалась на лестничной площадке приветливая улыбка слетела с ее лица. Без малого минуту в приятных чертах сквозила одна лишь задумчивая сосредоточенность, но и она понемногу сдавала свои позиции. На смену приходила беззаботность, выражение лица, которое украсит любую секретаршу пусть даже та и не блондинка.

– Теперь можно спускаться...

Оказавшись внизу, она снова улыбалась, только это была

уже не та улыбка, отблеск которой остался в глубине зеркала там, наверху в квартире. Это была маска. Не было в новом облике ни намека на теплоту или искренность, было лишь наигранное спокойствие, скрашенное дежурной «рабочей» улыбкой профессиональной соблазнительницы.

Ее ждали. Напротив входа в подъезд стоял роскошный внедорожник. Чистый, блестящий свежей полировкой он разительно контрастировал с общим фоном грязного весеннего двора.

Улыбка пригodiлась. Как она и рассчитывала, у пассажирской двери авто стоял сам директор – толстяк с идеально круглой головой, украшенной курчавыми, просто молодой барашек, волосами. Пухлая, как и фигура в целом ладонь опиралась на капот, печальные глаза с грустной отрешенностью во взгляде рассматривали блестящие окна ближайшего дома.

Хлопнула, закрываясь, дверь подъезда. Толстяк подскочил на месте, пригнулся, будто услышал выстрел, резко обернулся. Увидел ее. Застыл на мгновение, не в силах отвести глаз, снова подскочил, смешно поклонился, потянул на себя дверь, широко распахнул, потоптался на месте, медленно отходя в сторону. Весь его облик выдавал одно единственное желание – желание понравиться.

Она снисходительно кивнула, продолжая улыбаться, села, поправила юбку. Директор захлопнул дверь, обошел вокруг машины, рассеянно, будто непроизвольно поднял голову. То

ли увидел, то ли представил, как покачнулась занавеска в окне восьмого этажа, то ли разглядел, то ли выдумал мелькнувшую за занавеской фигуру. Круглое и кажущееся бесконечно добрым лицо в один момент исказила злобная ухмылка. Еще мгновение и от нее не осталось и следа...

– Вы не забыли? Послезавтра мы с вами ужинаем, – толстяк втиснул огромный живот в не очень-то и большое пространство между водительским сиденьем и рулем, повернулся к пассажирке, его лицо буквально светилось от почти искренней радости.

– Конечно, как можно такое забыть! – ее улыбка действительно удалась, вглядывайся, не вглядывайся, а не отыскать в ней ни намек на фальшь.

Директор минуту смотрел в ее глаза, но вот не выдержал, схватил за руку и принялся осыпать пальцы жаркими поцелуями. Она рассмеялась, нежно, но решительно оттолкнула его, повернула к себе зеркало заднего вида, сделала вид, что поправляет прическу, сказала:

– Мы ведь уже обо всем договорились, а это значит – сегодня только работа. Вперед!

Мощный двигатель злобно зарычал, машина помчалась по пустынной утренней улице. Толстяк посмотрел на улыбающуюся пассажирку, лукаво ей подмигнул. Та ответила тем же. Его потная рука опустилась на ее колено. Она деланно смутилась, убрала ногу, по-детски надула губы, отвернулась.

– Простите, я лишь хотел включить музыку. Вы любите

те музыку? – рука толстяка схватилась за ручку магнитолы. Пухлые пальцы казались непомерно огромными на фоне тонкого механизма.

– Да! Включите что-то этакое... – она перестала дуться и снова заулыбалась. – Такое что-то, ритмичное, чтоб танцевать захотелось. Или нет, лирическое, красивое что-то хочу!

Городок оказался слишком маленьким. Не успели толком разогнаться, не успел директор настроить хоть какую-нибудь радиостанцию, как внедорожник остановился у ворот. Несколько мгновений и створки беззвучно разъехались. Поднялся шлагбаум. Рядом с ним застыли два силуэта в камуфляже. Охранники дождались, пока машина въедет во двор, быстро опустили полосатый шлагбаум, медленно и печально съехались тяжелые створки, отделяя территорию завода от остального мира.

Лишь только ворота закрылись, она почувствовала непонятную тоску, будто это ее закрыли, изолировали от общества, да еще и шлагбаум опустили...

– Здесь мы будем в полнейшей безопасности, – отрешенным голосом немного не к месту сказал директор. На мгновение его лицо превратилось в маску с пустыми глазницами, его щеки побелели, а на лбу выступила испарина.

«Так и есть – двое у шлагбаума плюс пост на входе в офис прямо напротив стеклянной двери, – она непроизвольно отметила метаморфозы, что происходили с лицом толстяка, но не предала этому значения. Ей не до того было. Она осмат-

ривалась. Сверяла то, что запомнила после вчерашней «экскурсии» с тем, что предстало пред ней в то утро. – Административное здание. Один охранник, оружия не видно, но думаю, он вооружен. Слишком уж часто посматривает вниз. Наверняка под стойкой пистолет. Пистолет – он для мужчины предмет, так сказать, особой гордости, глаз не сводит, будто мечтает насмотреться. Охранник один, но ночью, скорее всего, вдвоем дежурят. Все просто, шаблонно, никаких осложнений не предвидится, во всяком случае, на начальном этапе».

– Надеюсь, со вчерашнего дня вы ничего не забыли? В вашей работе хорошая память – неперемное условие. Вы ведь крайне редко что-то забываете, правда? – директор открыл дверь «предбанника» своего кабинета, пропустил девушку вперед. – Вот и хорошо, значит, занимайте ваше рабочее место, располагайтесь, будьте как дома...

Слегка приглушенный толстой дубовой дверью из кабинета донесся противный скребущийся звук. Телефон. Она уже знала, что это за аппарат – городской, прямой, его установили исключительно для того, чтобы у директора была возможность вести важные переговоры, не опасаясь любопытной секретарши. Странно это, личный проводной аппарат, в наши дни, во времена расцвета мобильных телефонов и интернета! Странно, а то и вовсе глупо.

Директор шепотом выругался. Покраснел, отвесил девушке подобие поклона и подбежал к двери. Извлек из кажущейся

гося бездонным кармана мешковатых брюк большую связку ключей и принялся нею звенеть.

С подозрительным хрустом провернулся механизм замка. Рывком достойным спринтера толстяк бросился вперед. Слишком резкий взял старт. Ковер сдвинулся, потянув прижимающий его стол. По всем признакам следующим звуком должен был стать грохот падения, но нет, хозяину кабинета чудом удалось удержаться на ногах.

– Да, это я. Что? Ага, подожди секунду!

Модельной походкой она прошлась по мягкой ковровой дорожке, взяла графин, плеснула воды в единственное украшение «предбанника» – большую кадку с растущей в ней пальмой. Будто невзначай заглянула в директорский кабинет. Наткнулась на колючий взгляд толстяка, глуповато улыбнулась ему, подошла к своему столу, села, включила компьютер.

Послышались тяжелые шаги, их дополнило еще более тяжелое дыхание. В проеме двери показался шеф. С напускным равнодушием она подняла голову, прекрасно понимая, что переигрывает, улыбнулась так глупо, как только могла. Толстяк также улыбнулся, чуть замялся, словно собирался что-то сказать, но все не мог придумать, что именно. Вздрыгнул, будто только опомнился, подмигнул ей и плотно запер дверь.

Шаги затихали, удаляясь вглубь кабинета. Она сорвала с лица маску наивной глупышки, которая совершенно не гар-

монировала с живыми, задумчивыми глазами, сунула руку в сумочку, достала помаду. Воровато огляделась, усмехнулась. Сняла прозрачный колпачок, внутри, вместо красящего стержня находился миниатюрный наушник. Вынула его. Сдавила. Внутри электронного устройства что-то щелкнуло. Включено. Вставила наушник в ухо, прислушалась.

– Отвык я от утренних пробежек, но ничего, я почти готов, можешь выкладывать, нет, подожди секунду, – в наушнике звучал задыхающийся голос шефа и тихий хрустальный перезвон. Кто-то на другом конце провода моет стаканы? Возможно. – Сейчас на всякий случай...

Голос пропал, вместо него в наушник влетел нарастающий гул, удивительно похожий на шум разбушевавшегося моря. Громкий, но ненавязчивый, при желании можно было даже расслабиться и почувствовать себя отдыхающим, лежащим на теплом песочке, вот только представляй, не представляй, а легче от этого не станет.

Все понятно – сигнал глушат. А это не просто так! Вряд ли такие предосторожности из-за разговора, к примеру, о рыбалке, значит надо что-то делать, причем уже сейчас.

Она подкралась к двери, мысленно ругая того, кто придумал сапоги на шпильках и себя за то, что поддалась на уговоры их обуть. Нет, с одной стороны это эффектно, что и требуется, а вот с другой – одни сплошные неприятности.

Надежная дверь отлично справлялась со своими обязанностями – не пропускала ни единого звука. Лишь присев у

замочной скважины ей удалось различить голос, но это был только голос, разобрать отдельные слова не получалось.

Отчетливо прозвучал стук, удар. Там, за надежной дверью положили трубку, прекращая разговор. Скрип, скорее всего, отодвигают стул. Надо срочно возвращаться, не то к отсутствию результата добавится еще и самый настоящий провал...

– Я должен уехать, – лишь только она опустилась в кресло, из кабинета вышел директор. Станным взглядом он посмотрел на нее. Красноречивый взгляд. Была в нем напускная восторженность, хитрость и нечто, очень напоминающее брезгливость. – Станут спрашивать, скажите, я буду завтра. Если что-то срочное... нет, ничего, все завтра.

Он резко отвернулся, мотнул головой, будто смахивал с лица прядь волос. Снова посмотрел на нее, но теперь уже обычным взглядом, выдержка в нем, спокойствие и искренняя восторженность вызванная чарами невероятно привлекательной женщины.

– Понятно, – просто кивнула она.

– Да, и еще, – он подошел ближе, положил на стол большой, размерами с хороший чемодан, кейс. Демонстративно прикрыл замок ладонью, набрал код. Открыл. Достал прозрачную папочку с несколькими листами внутри. – Чтобы вы не скучали – вот вам задание на день, надо отсканировать эти документы, – он заговорщицки подмигнул и перешел на шепот. – Только очень вас прошу, это для внутреннего поль-

зования, вы уж постарайтесь, чтобы никто не увидел. Когда отсканируете, файлы мне на почту отправьте, а оригиналы положите в сейф. Код замка...

Директор еще раз подмигнул, взял листик со стола, черкнул на нем несколько цифр, пододвинул бумагу к девушке. Та растерянно кивнула, толстяк повернулся и вышел, громко хлопнув дверью.

Она пробежалась глазами по тексту – распоряжение о начале производства какого-то препарата. В бумагах фигурировало некое фосфорорганическое вещество, обозначенное, как «Изделие СХ-125А». Неужели это оно? Похоже! Червь сомнения, который тут-таки принялся грызть ее, нехотя угомонился. Да, подобная аббревиатура ей ранее не попадалась, но достаточно было просмотреть приложение: таблицы и краткое описание производственного процесса, как все становилось на свои места. Это оно, действительно оно! Трудно было поверить в такое невероятное везение, но то, на что она должна была затратить как минимум несколько дней, приложив для этого непомерные усилия, вплоть до... ей попросту подарили!

Послышался гул двигателя. Знакомый звук. Она бросилась к окну, прижалась к холодному стеклу, увидела внедорожник, выезжающий за ворота. Это был шанс, а разбрасываться шансами непозволительная роскошь для настоящего разведчика!

Документы поочередно занимали место под крышкой ска-

нера. Жужжали моторы, двигая считывающую головку, на экране компьютера проявлялось изображение, текст. Мгновение и эта картина уже на экране телефона. Не откладывая в долгий ящик, она создала письмо, нажала отправить, вот только ничего не произошло, в самый ответственный момент пропало подключение к сети...

– Ладно, это я еще успею, – прошептала она, – сейчас надо взглянуть, что находится в сейфе. До чего же просто все получается. Все готовое, все на блюдечке!

Отгоняя остатки подозрительности, она заспешила в кабинет директора, отодвинула картину, бездарную мазню неизвестного автора, изображающую угловатую обнаженную женщину. Под картиной сейф. Просто-таки классика жанра! Код, восемь цифр, хорошо хоть не подряд, это было бы действительно слишком. Открыто.

Небольшой металлический ящик, все внутреннее пространство забито деньгами. Никаких банковских упаковок, никаких резинок, просто стопки, купюра на купюре. На самом верху, упираясь в верхнюю стенку, расположилась продолговатая коробочка обтянутая черной кожей. Не в силах совладать с чисто женским любопытством, она потянула коробку на себя, шаткая стопка развалилась, деньги драгоценным снегопадом рассыпались по кабинету.

Внутри не оказалось ничего сколько-нибудь стоящего. Колье, симпатичное, но не более того. Наверняка недешевая безделушка, но она не из тех женщин, расположение кото-

рых можно обменять на блеск каких-то там бриллиантов. Зато внизу, под стопками денег обнаружилось то, от чего ее сердце бешено забилося, а руки мерно задрожали. Там лежала простенькая картонная папка с завязками, внутри которой чернела пластиковая карточка с выбитой на ней фамилией шефа – универсальный пропуск, а ниже лежала подлинная драгоценность – несколько листов. Обычная офисная бумага, текст и какие-то чертежи, отпечатанные на принтере.

На первом же листе был план. Схема помещения, разделенного на множество кабинок-кабинетов. Мебель, оборудование, условные обозначения, все это не оставляло места сомненьям – лаборатория! Ниже был еще один план – план местности. Простенький, проще некуда. Квадрат, внутри большого прямоугольника. Вокруг, по периметру кружочки. «Столбы? Свет? Сигнализация? Так это же похоже на...» – она бросилась к окну, одному, другому. Вот! Да, похоже. Приложила к стеклу лист с чертежом, посмотрела на бетонную коробку среди двора, громко и от всей души рассмеялась.

– Оно, точно оно!

На следующем листе было продолжение. Внутренности какой-то башни. Лестницы. Коридоры. Снова лестницы. Двери. Множество дверей. Замки на них, электронные, у каждой карандашиком четыре цифры. Код! А все вместе – шахта, ведущая в подземелье. Если это не удача, тогда что?

Страшно захотелось броситься вниз, ворваться в тайную лабораторию, все узнать, все разведать, но надо было ждать. Ломиться в секретное помещение среди бела дня, рискуя быть замеченной – далеко не лучшая идея. К тому же у нее еще масса дел, надо отсканировать бумаги, что находились в сейфе, да и просто порядок навести, все должно быть так, как было до отъезда директора.

Совсем немного времени прошло, и ничто в кабинете не намекало на то, что там кто-то был. Деньги ровными стопками уложены в сейф, наверху кольцо в футляре, на нем секретные листы, которые доверил ей директор. «Теперь остается только изобразить бурную трудовую деятельность...»

Несколько коробок личных дел из архива, которыми она обложила, чтобы создать видимость работы не понадобились. На протяжении всего рабочего дня никто и не подумал зайти, проверить, чем занята новенькая секретарша, да и просто поздороваться никто не решился. Не было посетителей, не было звонков, никого не интересовало, есть на работе директор, нет его, не было до него ни кому дела... даже немного подозрительно.

За окном заметно потемнело. Подменяя освещение естественное, вспыхнули мощные лампы. Свет одной из них влетел в большое окно, отразился от монитора...

Громко, особенно громко в тишине пустого помещения зазвенел телефон. Она вздрогнула от неожиданности, схватила трубку, выдохнула:

– Да.

– Добрый вечер, охрана беспокоит. Вы еще задержитесь?

– Придется, работы много, на завтра нужно... – она замялась, пытаясь придумать, что именно нужно, но продолжения не потребовалось.

– Понятно. Когда будете выходить, позвоните, мы доставим вас домой. Шеф распорядился...

– Спасибо!

Она бросила трубку и заспешила к окну. Закрыла жалюзи. Осмотрелась. Искренне пожалела о том, что оставила оружие дома. Подошла к столу. Взяла сумочку. Достала телефон. Разблокировала. На его экране красовалась надпись «Нет сети».

– Что же это со связью? Несвоевременно как-то, – прошептала она и взялась за клавиатуру компьютера.

Перестук полированных ногтей по клавишам также ничего не дал. Стучи, не стучи, а доступ в интернет как таковой отсутствовал. Пожалуй, это должно было насторожить, но не в тот раз. Нет места осторожности там, где властвует везение. Надо действовать!

Она решительно направилась к двери. Приоткрыла, выглянула в коридор. Прислушалась. Посмотрела в одну сторону, в другую. Никого. Ни намек на присутствие людей, что и неудивительно – рабочий день давно закончился, а пост охраны на нижнем этаже, правда, охранники на то и охранники, чтобы охранять, должны же они хоть изредка прове-

рять все здание. Пожалуй, должны, но пока никого не видно, да и ладно...

Лестница. Она занесла ногу над первой ступенькой и замерла. Прислушалась. Откуда-то снизу долетали голоса. Громкие, эмоциональные. Это не задавило решимость, но заставило вспомнить об осторожности.

Первый этаж. Такая же картина, но голоса гораздо громче, отчетливее. Много их, разный тембр, разные слова, даже язык, кроме того, уже можно было понять их природу. Трансляция. Футбольный матч, ревет толпа болельщиков, похоже, кто-то мяч забил куда надо...

К крикам электронным добавились голоса живые. Два. Возгласы, громкие, дружные, практически в унисон. Радость в них, воодушевление, счастье...

Она отошла от лестницы и осторожно выглянула из-за угла. Так и есть, у входа, за стойкой охраны сидели двое. Они счастливо улыбались и внимательно, практически не мигая, смотрели на экран планшета.

Шансов на то, что ей удастся пройти незамеченной мимо «футболистов» практически не было. Увлеченность увлеченностью, но они ведь не слепые.

Она немного поразмыслила, вспомнила недавнюю экскурсию, память выдала план первого этажа. Медленно кивнула, подтверждая свои мысли. Помещение, которое идеально подходило для ее целей находилось в дальнем конце коридора. Зал для совещаний, большой, просторный, светлый, а

главное – угловой. Множество огромных окон, что особенно радовало, ни на одном из них не было решеток.

Толстый ковер заглушил цоканье каблучков. Мимо нее, блеклые, будто нарисованные мелькали двери. Все одинаковые, как под копирку, безликие, ничем не отличающиеся между собой.

Вот и конечная цель. Вход в зал для совещаний. Как и следовало того ожидать, она заперта. Порядок, все-таки предприятие, можно сказать, режимное. Благо замка в привычном понимании не было, как и ключа. Было лишь считывающее устройство и карточки, как та, с именем шефа, что была у нее в руке. Все просто, надо только поднести кусок пластика к замку, намекнуть электронике, что она, мол, не она, а шеф и тут-таки...

Она заметно помрачнела, медленно покачала головой. Все это хорошо, но была одна проблема – пульт охраны. Любое действие, любое срабатывание любого датчика обязательно отобразится на нем, охранники заметят, среагируют, а значит, надо что-то менять. К тому же и это еще не все, в каждом кабинете, в каждом коридоре, на лестнице, везде напичканы камеры. Все пишется, все фиксируется, ладно пока ее не обнаружили, но это ведь цифра, она все помнит! Нет, так ни один уважающий себя шпион не поступает!

– Неправильно все это, неправильно! – пробормотала она и покачала головой. – Никто так не действует, я тоже не буду, начну сначала.

Быстрым шагом, не беспокоясь о том, что ее могут услышать, она взбежала по лестнице. Промчалась по коридору, влетела в свой «предбанник», села в кресло, несколько раз обернулась вместе с ним, радуясь, будто ребенок, подошла к себе клавиатуру. Замерла на мгновение. Приготовилась. Тонкие пальчики быстро забегали по клавишам. Повинуясь их бегу на экране сменялись картинки. Были там планы этажей, были сложные схемы электронных приборов, блоки программного кода...

Последнее нажатие, запрос, подтверждение. Она откинулась на спинку, задорно улыбнулась, потянулась, неспешно вращаясь вместе со стулом. Замерла, засмотревшись в свое отражение в зеркале. Подмигнула себе, отраженной, прошептала:

– Вот теперь все правильно. Вперед!

Все это уже было. Радостные крики болельщиков, тысяч тех, которые пришли на стадион и двоих, что смотрели трансляцию за стойкой охраны. Длинный до бесконечности коридор, дверь в конце него. Карточка. Легкий щелчок, подтверждающий то, что система сработала. Проход открыт.

Писк электронного замка несколько умерил пыл. На мгновение ей показалось, что она что-то упустила, что-то не отключила, но нет, дверь так и осталась открытой, а светодиод тревоги над ней не зажегся, значит все нормально.

Длинные ряды стульев – просто небольшой кинотеатр. Стол как кафедра в аудитории, нагромождение каких-то ко-

робок и ящиков за ним, гора какого-то хлама просто на столешнице, похоже, последнее совещание закончилось очень даже давно.

Окно открыто. В лицо пахнуло сырым и прохладным весенним воздухом. Легкий ветерок моментально остудил ее разгоряченные щеки, всколыхнул длинные локоны. Успокоил, добавил уверенности.

Мгновение и она снаружи. На удивление тихо опустилась на землю, осторожно прикрыла окно, отдавая себе отчет в том, что оно все равно откроется. Разглядела под стеной кирпич, опустила его на подоконник.

Порядок. Начало положено. Она внимательно осмотрелась, сориентировалась. С одной стороны все было просто и понятно – квадратное сооружение, являющееся входом в так интересующую ее лабораторию, находилось точно посередине двора. Прямо оно. Мимо не пройдешь, ошибиться невозможно. Все просто и понятно, но беспокоило не это. На так манящий ее объект было нацелено целых восемь мощных ламп, а туман все еще не решился скрыть от любопытных глаз предприятие и все его секреты.

Ярко и невероятно контрастно бетонный кубик выделялся на густом черном фоне подкрадывающейся ночи. Площадка так хорошо освещена, что шансов пройти незамеченной практически не было. Увидят. Ладно, те, которые охраняли офис, с ними все понятно, футболисты они, а что если найдется охранник, которого не занимает бестолковая бе-

готня по полю за мячом? Вдруг кому-то ближе унылый вид из окна, выходящего на «плац»?

Сомнения были, но вариантов не было. Точнее, был один – надо рисковать. Раз уж она вознамерилась проникнуть в тайну подземного цеха, надо действовать, притом уже сейчас, немедля, вряд ли выпадет еще один такой шанс.

Решилась. Выбрала направление. Кратчайший маршрут, прямиком через ту часть двора, которая казалась чуть менее ярко освещенной, правда, так только казалось. Рывок. Три десятка метров на тонких каблучках вполне сопоставимо с олимпийской дистанцией.

Кроваво-красной молнией она пронеслась по освещенному пространству. Сапожки заскользили по пыльному асфальту, обе руки одновременно уперлись в шершавый бетон квадратного строения. Добежала. Она на месте. Сердце колотилось, отзвуки пульса стучали в висках, но это не давало права на отдых. Она плотнее прижалась к стене, прекрасно понимая, что яркая одежда слишком заметна на фоне унылого искусственного камня.

Быстро перебирая ногами, она заскользила вдоль стены, тщательно ощупывая шершавую поверхность в поисках входа. Получилось. Дверь! Даже взвизгнуть захотелось, иллюстрируя приступ радости, близкой к эйфории. Действительно дверь. Гладкий, покрытый капельками росы прямоугольный лист металла. Чуть заметное в ярком свете прожекторов подмигивание. Красный огонек. Все понятно – замок.

Дважды пикнул динамик электронного устройства. В ответ на приглушенные звуки, громко клацнул механизм замка. Щелчок. Казалось, звук облетел всю территорию предприятия, заглянул в каждый даже самый укромный уголок. Казалось, не осталось ни одного человека в округе, который бы его не расслышал. Казалось, просто казалось...

Лишь только дверь приоткрылась, в одно мгновение, будто не человек, а некая аморфная субстанция, она просочилась внутрь. Дождалась повторного щелчка, звука с которым механизм накрепко ухватил металлический лист. Застыла, наслаждаясь абсолютной тишиной.

Цель близка, разгадка совсем рядом. Она понемногу успокаивалась. Сердцебиение возвращалось к нормальному ритму. Дыхание восстанавливалось. Еще немного и нею овладело приятное чувство, возникло и крепло понимание того, что самое страшное уже позади, обманчивое чувство!

Несколько шагов вперед. В густой темноте каким-то чудом удавалось определять границы доступного пространства. Подсознательно она чувствовала стену правее себя, решетчатую конструкцию впереди и левее. Логика подсказывала, что должен быть и выключатель, вот только где?

Еще один несмелый шаг. Часто подмигивая, будто не решаясь, зажегся свет. Одна за другой несколько ярких вспышек ослепили ее, но лишь на мгновение. Скоро глаза привыкли к резкому изменению освещенности, она увидела то, что и рассчитывала увидеть – маленькое идеально квадрат-

ное помещение, большую часть которого занимала лестница, множество ступеней уходящих куда-то вниз. Посредине, эффектно опоясанная лестничными пролетами, та самая решетчатая конструкция – клетка. Вне всякого сомнения – шахта лифта, вот только самой кабинки не видно. То ли она остановилась где-то внизу, то ли это всего лишь видимость подъемника.

Быстро обнаружилась раздвижная дверь. Правее нее круглая кнопка, подмигивающая отвратительным красным светом. Вызов лифта? Похоже на то...

Особо не надеясь на чудо, она вдавила пластмассовый диск. Лампа, подсвечивающая пластиковую кнопку, тут-таки погасла. Откуда-то сверху донеслось монотонное рычание механизма. Далее тихий треск, несколько щелчков, кнопка снова зажглась и все затихло.

– Ну и ладно, так сказать, не впервые... – пробормотала она и ступила на лестницу. – К тому же, мне вниз.

Ореол таинственности понемногу рассеивался. Изнутри вся эта сверхсекретная конструкция казалась обычным подъездом обычного многоэтажного дома, правда, по самую крышу вдавленного в землю. В остальном же стандартное жилое строение с неработающим лифтом, разве мало их разбросанно по всей стране?! Казалось, не в бездну погружаешься, а просто спускаешься с верхнего этажа, минуешь пролет за пролетом.

Схожесть подчеркивали двери. На каждом условном эта-

же их целых четыре штуки. Разные, деревянные они, железные, обитые имитирующим кожу материалом. На некоторых виднелись цифры, наполовину стертые таблички. Все как одна закрыты, не было на них панелей, позволявших ввести код, который она подглядела на секретных чертежах, а еще ни одна из них не реагировала на поднесенную к ней карточку. Странное явление, хотя...

Мрачность мыслей понемногу оттесняла здоровый энтузиазм и пыталась задавить настроение. Становилось по-настоящему тоскливо, к тому же куда-то исчезло предчувствие скорой победы.

Пролет за пролетом оставались позади. Сколько этажей прошла, она уже не знала, сбилась где-то на втором десятке. Сколько этажей осталось, даже и не догадывалась, трудно определить реальную высоту, ведь куда ни взгляни, одна сплошная бесконечность. Не разглядеть ни верхнего этажа, ни нижнего, а от того возникали печальные мысли, приходило понимание того, что надо будет возвращаться, а это наверх, пешком, как тут не расстроиться!

Совершенно неожиданно спуск закончился, она даже чуточку растерялась. Очередной поворот, очередной лестничный пролет уперся в ровный бетонированный пол. Там был коридор, длинный, освещенный лишь красными лампочками дежурного освещения. Тут-таки в лицо пахнуло прохладой, изрядно сдобренной запахами чего-то химического, чего-то лекарственного. Это не могло не порадовать, ясно же —

цель совсем близко! Энтузиазм воспрянул духом, с ним вернулось настроение. Она решительно пошла вперед.

Концентрация запаха увеличивалась. Если первое время он был эфемерным, еле различимым, то скоро от него першило в горле и слезились глаза. Если сомнения и были, то они планомерно с каждым шагом отпадали. Это здесь, здесь лаборатория. Она уже близко, надо пройти всего немного и там...

Промелькнула разумная мысль: «А ведь нелишним было бы обезопасить себя, отыскать хоть какую-нибудь марлевую повязку, лучше противогаз. Вот только отступать уже поздно. Сделаю так – пройду столько, сколько смогу, а там будет видно».

Кажущийся поначалу бесконечным коридор уперся в решетку. Толстые прутья, переплетенные между собой, образовывали непреодолимую преграду, непреодолимую для многих, вот только не для нее.

В тусклом свете дежурного освещения она осмотрела решетку. Руки нащупали массивную цепь, которой скрепили решетчатые створки. Концы цепи соединены замком. Навесной замок – разве это проблема!

Она кокетливо провела рукой по волосам. Мгновение и пальцы держали идеальный инструмент опытного взломщика – шпильку. Легкое движение руки и замок со звоном упал на землю, за ним последовала цепь. Скрипнув, решетка поддалась, но за ней оказалась глухая металлическая дверь. Ка-

залось, очередная преграда, а вот и нет. Ведь точно по центру двери весело подмигивал светодиод. Электроника это просто и эффективно.

Поднесенная к замку карточка сделала свое дело. Тихо пикнул механизм, почти беззвучно сработали магниты, втягивая ригели. Полотно отошло от рамы, намекая на то, что проход свободен.

За дверью оказалось просторное помещение, особенно просторное в сравнении с коридором, по которому она шла ранее. Оценить размеры не получалось, мешало слишком слабое освещение, да еще и призрачно-красное. Мрачный с кровавым оттенком свет запутывал, давил на глаза, добавлял жути всему происходящему. Терялись в нем стены, прятался в красноватой мгле потолок. Благо так было недолго.

Она ступила лишь несколько шагов, как сработала автоматика. Вычислила она человека, возможно, идентифицировала, благодаря карточке, включила свет. Один за другим длинные тонкие цилиндры люминесцентных ламп вспыхивали, подмигивали, раздражая, разгорались, успокаивая. Постепенно территория, освещенная ними, увеличивалась. Правда, это не очень помогло, ведь дальний край огромной комнаты терялся далеко впереди, казалось, не было конца длинной, пусть и освещенной комнате-тоннелю.

Непроизвольно она застыла, с подлинно женским любопытством озираясь вокруг. Зрение уже привыкло к чрезмерной яркости люминесцентных ламп, стали видны боковые

стены, высокий сводчатый потолок, но не только это...

То, что она видела, удивляло и поражало ее. Просторное помещение, освещенное белым светом, поделено на бесчисленное множество кабинок. Вместо стен – полиэтилен, вместо дверей – застежки молнии.

Кабинки, ровные ряды кабинок, сквозь мутную поверхность пленки просматривалось то, что находилось внутри. Она не смогла удержаться и подошла к условной двери ближайшей то ли палаты, то ли камеры. С опаской коснулась условной стены, расправила ее. Присмотрелась. Увидела металлическую кровать, у изголовья которой виднелся штатив – подставка под капельницу, на ней несколько больших бутылок, от них трубочки. Ниже, на тумбочке, похоже, тоже металлической, подмигивал цветными цифрами яркий экран какого-то электронного устройства. Правда, и это еще не все, на кровати был виден силуэт человека, не хотелось в это верить, но так все и было. Действительно человек, пусть пленка размывала очертания, пусть разглядеть лицо было невозможно, но сомнений не было, это человек, живой человек. Он лежал на кровати, тело совершенно неподвижно, только голова часто дергалась, будто к ней подведено электричество.

С огромным трудом ей удалось заставить себя отойти от прозрачной стены и пройти дальше, вперед, в неизвестность. Медленно, еле-еле передвигая ногами, она шла вдоль бесконечного ряда кабинок. Шла, вглядываясь в устрашаю-

щие значки, предупреждающие об опасности, посматривала на подмигивающие насыщенно-красным цветом экраны, закрепленные на «дверях» некоторых из них. Цифры, значки подобные иероглифам. Пусть понять их значение она не могла, но этого и не требовалось – тысячи оттенков красного пугали сами по себе, напоминая о витающей в воздухе опасности.

Пожалуй, впервые за все время, что она занималась столь опасным ремеслом, ей стало по-настоящему страшно. Понять причину того несложно, ведь более всего человека пугает неизвестность. Разве может быть что-нибудь страшнее невидимого убийцы, проникающего через легкие, через кожу. Кто знает, может она уже стала его жертвой, может, она мертва, сама о том не подозревая?

Разрастающийся страх подгонял мысли. Разные, они возникали, вспыхивали не менее ярко, чем цифры на индикаторах, гасли. Надо было что-то менять, что-то предпринимать, но вот что именно? На первый взгляд правильным казалось развернуться и уйти, сбежать, вернуться домой, передать полученную информацию и дожидаться подкрепления, но это только один вариант! Пусть правильный, пусть логичный, но только один.

– Это, конечно, да, но вопрос в другом, а что собственно я разведала? – стараясь придать себе смелости, она заговорила вслух. – Ничего! Подвал да полиэтилен, а где конкретика? Разве может уважающий себя разведчик передать непрове-

ренные данные? Нет! Для начала надо заглянуть в одну из этих кабинок, заставить себя заглянуть...

Индикатор на одной из «дверей» разительно отличался от экранов других подобных устройств. Он светился успокаивающим изумрудно-зеленым светом. Просто светился, будто большой плоский фонарик. Не было на нем страшных красных цифр, да и нестрашных тоже не было. Плюс ко всему собачка застежки, играющая роль замка, была поднята, пленка свободно раскачивалась, будто от сквозняка.

Отбросив слабые сомнения, она решительно направилась к кабинке, откинула одну половину полиэтиленовой створки, заглянула внутрь. Увидела то, что ожидала увидеть – кровать, на ней, укрытое простыней, просматривалось тело. Человек. Да! Спит? Умер? Стараясь не растерять остатки смелости, она подошла ближе, сорвала легкую ткань, медленно попятилась назад. На нее смотрели совершенно пустые глаза. Они глубоко запали в черные глазницы бледного, изнеможенного лица.

Выждав несколько секунд, мнимый покойник медленно мигнул полупрозрачными веками, отбросил простыню, сел, свесил худые, как и все тело, ноги. Потянулся, криво усмехнулся, слыша, как хрустят суставы, принялся шарить ногами под кроватью, будто искал тапочки. Она же продолжала пятиться назад, не зная как воспринимать то, что происходит.

Когда до выхода оставалось не более метра, краем глаза она уловила движение, уловила, но среагировать не успела.

Две тени, двое мужчин, облаченных в совершенно черную униформу с лицами, закрытыми клетчатыми платками, вбежали в огражденное полиэтиленом помещение и безо всякой прелюдии схватили ее за руки. Они застыли, как изваяния, держали легко, без особого нажима, но напряженные тела однозначно намекали на то, что они готовы и к более решительным действиям.

Пытаясь вернуть контроль над ситуацией, как минимум ее понимание, она закрыла глаза. Воображение принялось трудиться, один за другим перебирая варианты, предлагая способы, как быстро разметать охранников. Это не представляло особой сложности, невзирая на бытующее мнение, мол, сапоги на шпильке далеко не лучшая обувь для хорошей драки. Как раз наоборот, ведь острый каблук – холодное оружие, да и фактор неожиданности, тоже отбрасывать не стоит...

– Дорогая вы моя, что же вы так поторопились? – слышался громкий спокойный до мрачности мужской голос. – Мы ведь договаривались встретиться в субботу, а сегодня всего лишь четверг!

Отвратительный голос, холодный, унылый, от него веяло чем-то страшным, леденящим, убийственным, чем-то подобным тому, что создавалось и испытывалось в этом подвале. Этот голос она уже слышала – директор, примерно так он говорил в те редкие моменты, когда не пытался выглядеть очаровательным. Да, так он пару раз разговаривал по телефону и теперь вот с ней...

«Каблуком в ногу того, который слева, удар в живот, уклоняюсь от того, что справа, удар в шею, прыжок в сторону толстяка, заламываю ему руку, случись, один из двоих не отключится, директор будет заложником...» – воображение предложило убийственно простой план спасения, как минимум, шанс на таковое.

Стараясь не выдать своих намерений и усыпить бдительность охранников, она расслабила мышцы рук, слегка приподняла веки, скосила взгляд в сторону директора. Первое, что увидела – пистолет в руках толстяка. Серьезное оружие. Гротескно большой ствол смотрел точно на нее и немного подрагивал. Пришлось смириться, пусть с охранниками она бы точно справилась, но обогнать пулю, увы, никому не под силу. Думай, не думай, но в этот раз ее переиграли.

Яркость света постепенно снижалась. Наверняка все так и было задумано: заманить, ослепить, а уже после...

– К чему все это представление? Зачем оружие, громилы! Вы ведь уже проиграли, вам точно не выкрутиться! Вам остается только сдаться! – она решила сменить тактику. – Да, пока я не забыла, спасибо вам огромное за информацию, все в лучшем виде оцифровано и отправлено в центр!

– Хорошая попытка, – он равнодушно пожал плечами, – вот только абсолютно бессмысленная. То, что я вам дал, не стоит и ломаного гроша. Кстати, если бы вы потрудились изучить... да хотя бы основы химии, вы бы сами поняли, как глупо сейчас выглядите. К тому же ничего и никуда вы

не отправили, это попросту невозможно – уже два дня как глушатся все сигналы в пределах нашего объекта. Но и это ладно, меня сейчас другие мысли занимают. Любопытство, знаете ли, одолевает, спать не дает, прошлой ночью глаз не сомкнул, все о вас думал! Так и тянет узнать вас поближе. Расскажите, для начала, кто вы и на кого работаете? Это не только меня успокоит, но и вам на пользу пойдет. Поймите, тут все просто – я вас внимательно слушаю, а после решаю, что делать дальше. Не поверите, но возможно я вас даже отпущу. Так что скажете, поговорим?

Он кивнул мрачным охранникам, которые по-прежнему удерживали ее запястья. Они синхронно кивнули в ответ, один перехватил обе ладони девушки, сдавливая, словно тисками, пальцы. Второй достал наручники. Мгновение и металлические браслеты украсили ее женственные руки. Она злобно смерила взглядом одного конвоира, второго, испепеляющим взглядом прожгла директора. Тот стойко выдержал «прожарку», даже засмеялся, правда, слишком уж натянуто. Открыл рот, собираясь что-то сказать, но ему помешали. Зазвенел телефон.

Тихо выругался, быстрым шагом подошел к ближайшей стене, снял трубку древнего аппарата, приложил к уху. Несколько минут в огромном зале царила абсолютная тишина. Она молчала, надеясь уловить хоть частичку разговора, шеф молчал, слушая своего собеседника, охранники молчали, ожидая команды.

Не проронив ни слова, толстяк повесил трубку. Мрачно посмотрел на аппарат, стараясь взглядом передать всю ненависть, которую испытывает к этому полезному изобретению человечества. Достал белый, размером с небольшую простыню, носовой платок, вытер ним лицо. Посмотрел на нее, как на пустое место, несколько раз кивнул своим мыслям, пробормотал, обращаясь к охранникам:

– Разговор придется отложить, – угрюмое выражение лица директора заметно подняло ей настроение. – Заприте ее. Пусть тем временем «худой» с нею поработает. Пусть подготовит, а через пару часов я вернусь. Вот тогда ей придется здорово постараться, чтобы я захотел ее выслушать, не говоря уже о том, чтобы ей поверить!

Глава 6

Вот и свершилось – заметно похолодало. Весенний туман взялся за туманное свое дело. Неимоверно густая насыщенно-мрачная дымка потихоньку скрывала городок, угрожая погрузить его во мрак еще более беспросветный, чем тьма безлунной ночи. Где-то там за белесой пеленой провалилось за горизонт холодное солнце. Погасли его последние лучи, позволяя неумолимо расплзающейся по земле влажности властвовать безраздельно.

С наступлением вечера собралось воедино все то, что он ненавидел больше всего на свете: туман в воздухе, чавкающая слякоть под ногами, сырость, дополненная леденящим холодом. Да, как-то совсем уж некстати пришло похолодание, того и гляди часик-другой пройдет и обычное хоть и весьма существенное снижение температуры обернется настоящими заморозками, дополнит картину отвратительных звуков хрустом корочки льда под ногами. Вот как можно любить весну?!

Он медленно покачал головой, прекрасно понимая, что ничего изменить не в силах. Отошел от окна, у которого простоял не менее получаса, растерянно огляделся, мрачно взглянул на часы. Отвратительное чувство, до чего же легко порой поверить в то, что ты что-то потерял, что-то важное, нужное и дорогое!

Она. Он отвернулся от красноречивого циферблата, произвольно встретился взглядом со своим отражением в зеркале. Всмотрелся – стало только хуже. Он увидел то, что ничуть не радовало, напротив, добивало остатки настроения. Смесь отвратительных чувств на собственном лице: сомнения, тревога, страх. Более всего страх, страх за нее. Он нервничал, он волновался, ведь время шло, она же до сих пор не вернулась! Нет, не то, чтобы уже слишком поздно, но все-таки...

Противный писк телефона заставил его вздрогнуть и растерянно оглядеться. Пришлось признаться себе в том, что в последнее время он стал жутко рассеянным. Нет, такое и раньше бывало, то тот же телефон искал, то часами переворачивал квартиру вверх дном в поисках пульта от телевизора, но в последние дни подобные случаи перестали быть редкостью, более того, в этом просматривалась система. Слишком уж часто он что-то ищет, похоже, склероз развивается...

Свет, пробивающийся из щели между подушками дивана, напомнил о том, как утром он забросил телефон после очередного неприятного разговора. Странное дело, но он помнил о разговоре, как о сбывшемся событии, но не мог вспомнить, ни с кем говорил, ни о чем. Что это? Еще один намек на вероломно подкрадывающуюся старость или что-то иное?

На экране призывно подмигивал конвертик. Электронная почта. Письмо. Адрес отправителя ни о чем ему не говорил, но вполне вероятно это от нее. Да, так и есть...

– Тема письма: «Часть первая», – вслух и по слогам прочел он. Чутьочку поразмыслил и нерешительно ткнул пальцем в экран.

Телефон задумался, подмигнул белым прямоугольником яркого света. На мгновение показалось, что это и все, что больше ничего не будет, но нет, открылся файл. Внутри машинописный текст, набранный трудночитаемым мелким шрифтом. Дополняя или иллюстрируя написанное, то тут, то там мелькали сложные формулы.

– Вот только этого мне и не хватало. Химия, молекулы! Ага, что еще нужно, чтобы приятно и с пользой провести время, скоротать вечерок.

Он добросовестно пролистал длинный текст до самого конца, заставил себя прочесть несколько абзацев, лишний раз убедился в том, что ничего в замысловатых нагромождениях букв, цифр и черточек не понимает. А раз так, то нечего делать умный вид...

– Нет, ну тут же все ясно! Она нашла какую-то важную информацию, сейчас с ней работает. Кроме того, так, на всякий случай, отправила копию мне, – вслух размышлял он, глядя мимо телефона. – Логично? Логично. И еще, это сообщение должно означать, что она занята и вернется нескоро. Мол, не жди и все такое. Как бы тоже вписывается в рамки разумного? В общем-то, да. Значит, все правильно, все сходится, но как-то чутьочку тоскливо. Ладно, буду ждать!

Он сварил себе кофе и снова устроился на диване. Долго

вдавливал кнопки на пульте, ни капельки не веря в то, что по телевизору покажут что-то стоящее. Бросил это дело. Взялся за телефон, повертел его в руках, размышляя, куда бы положить столь полезный предмет, да так, чтобы в следующий раз быстрее найти. Придумать не успел, злобредный аппарат снова начал пищать.

– Тема письма: «Часть вторая», – озвучил он новое сообщение. – Это уже интереснее, тут какое-то видео. Люблю кино, сейчас мы его и посмотрим...

Совершенно черный экран. Единственным свидетельством того, что телефон не выключился, был звук. Стук. Громкий, навязчивый. Казалось, кто-то колотит чем-то металлическим по трубам. Старается тот, неизвестный, отбивает ритм, просто не человек, а метроном.

Темнота на экране заметно поредела. Похоже, человек с камерой приближался к источнику света, тусклому, неяркому. Картинка медленно менялась. Серость приходила на смену черноте, плавно, неторопливо.

– До чего же занимательная видеозапись! Просто-таки шедевр кинематографа, вроде ничего не видно, но как-то манит, завораживает... – проворчал он, внимательно глядя в серый прямоугольник экрана. – Стоп! Что это было?

Он подскочил и выронил телефон. Возможно, то лишь видимость, плод воображения, растревоженного коротким роликком, но в самом конце записи серость вспыхнула ярким светом. Вспышка осветила помещение, голые бетонные сте-

ны, трубы, наверняка те самые, по которым били чем-то железным и еще кое-что. Интригующее и пугающее одновременно.

Вторая попытка. Медленно, практически по кадрам производилась видеозапись. Временная шкала смещалась в сторону финиша, файл заканчивался, еще буквально несколько мгновений... вспышка...

Последние секунды короткого видео. Под стеной, подняв руки вверх, стоит девушка. Сомнений не было, да и быть не могло, это она! На ее руках наручники. Через трубу переброшена, соединяющая врезавшиеся в запястья кольца, цепочка. Свет лампы отражается в глазах исполненных подлинного ужаса, а рядом, тусклая и размытая, покачивается тень человека, худого и высокого, тот что-то держит в руках, то ли камеру, то ли камень, более того, замахнулся, намереваясь ударить...

Он метнулся в прихожую, налетел на запертую дверь, отскочил от нее, как волна, что разбилась о прибрежную скалу. Бросился обратно в комнату, схватил телефон. Открыл список контактов, набрал ее номер, выслушал сообщение о том, что абонент не может подойти, растерянно огляделся, упал на диван, закрыл глаза, пытаюсь сосредоточиться.

– Так, первым делом надо взять себя в руки. От бесцельных метаний пользы точно не будет, – пробормотал он. – Что мы имеем? Ее схватили. Это понятно. Где ее держат? Пока не знаю. Скорее всего, на территории завода, вот только где

именно? Это правильный вопрос, осталось только задать его правильному человеку...

Отрешенный взгляд потухших глаз бармена устремился куда-то в неизвестность. Удивительно мутный взгляд. Кажется, туман, без усталости поглощающий все вокруг, забрался в помещение питейного заведения, просочился в черепную коробку главного в нем человека, разросся в ней, закрутился.

Не услышав ответа на свой вопрос, он снова поднял руку, убедился в том, что стеклянные глаза сфокусировались на собранных в кулак пальцах, замахнулся, но бить не стал – противно. Совсем уж некстати вспомнилось, что бармен был одним из весьма ограниченного числа людей, с которыми он регулярно общался, иногда даже откровенничал, в разумных, конечно, пределах. В общем, как на это ни смотри, но пусть даже с огромной натяжкой, бармена можно было считать другом. Товарищем, как минимум. Кто же так с друзьями-товарищами поступает?

– Слушай, может, прекратим? Вот какой во всем этом смысл? – он демонстративно посмотрел на кровь, стекающую с костяшек. – Мы ведь не первый день знакомы, более того, уверен, ты много чего обо мне знаешь, возможно, больше чем я сам. Как минимум, знаешь, на что я способен. Так почему бы нам просто не поговорить, по-дружески?

На несколько секунд глаза бармена обрели осмысленное выражение, в них появился блеск, они внимательно осмот-

рели потенциального собеседника, несколько раз мигнули. Живые глаза совершенно не гармонировали с избитым лицом, дико смотрелись они в окружении разрастающихся синяков. Стеклянными они должны быть, не должно быть в них ни искры разума.

– Ладно, как знаешь, – он снова замахнулся, но опять раздумал, бить не стал.

Поднялся. Прошел в подсобку. Внимательно изучил ассортимент алкоголя на полках, заглянул в ящики со спиртным, что лежали на полу, открыл один, другой. Прошел дальше. Пнул ногой картонную коробку без каких-либо обозначений, в ней что-то противно захлопало. Присел, разорвал упаковку, довольно хмыкнул. Внутри находились четыре пластиковые емкости, на каждой из которых красовалась этикетка, бледная и размытая. «Водка настоящая» приклеено к каждой полиэтиленовой емкости. В то, что это водка, еще можно было поверить, но утверждать, что она настоящая, это перебор!

– Я так понимаю – на трезвую голову ты говорить не желаешь? – крикнул он в зал. – Ладно, уважаю твое решение. Значит, сделаем по-другому, мы с тобой выпьем, как старые добрые друзья, а уже после поговорим по душам. Согласен?

Ответа не последовало, но его это ничуть не расстроило, он наклонился, извлек из коробки одну из бутылей, поднял ее, взболтал. Укоризненно покачал головой, глядя на взвесь, поднявшуюся со дна, сизую и густую, как весенний туман.

Протянул руку, взял самый большой стакан из тех, что стояли на полке, вернулся в зал.

Выйдя из-за стойки, встретился взглядом с барменом. Тот смотрел с неприкрытой ненавистью, разбитые губы вздрагивали не иначе как в высшей степени негодования. Мгновение и выражение украшенного свежими синяками и ссадинами лица кардинально изменилось. Взгляд застыл на пластиковой тарелке с подозрительной жидкостью. Ушла ненависть, ее место занял страх, плавно переходящий в самый настоящий ужас.

Он не спешил, напротив, остановился у стойки, позволив полному спектру эмоций пробежать по лицу избитого бармена. Шагнул вперед, схватил за угол ближайший столик и потянул за собой. Деревянные ножки противно скрипели, внося свои нотки в унылую атмосферу безлюдного заведения.

Столик остановился, звуки, порожденные трением дерева о кафельный пол, затихли. Время начинать...

Он рывком поднял бармена, усадил на стул, поставил на край стола стакан, налил в него жидкость из пластиковой тары. Кивнул. Тот пробормотал что-то и попытался отодвинуться.

– Нет, так не пойдет! Мы ведь договорились выпить, значит, будем пить! – он подошел ближе, схватил пальцами бармена за подбородок, с силой сжал. Другой рукой взял стакан, влил большую часть содержимого в глотку вяло сопротивляющемуся «главному по разливу», тот поперхнулся, за-

кашлялся. – Хорошо. Первая, так сказать, пошла...

Некоторое время бармен лишь тихо икал и глазами, что вновь остекленели, смотрел в пустоту. Он же ждал. Минута, другая, похоже, ему надоело...

– Я скажу... – булькающий голос заглушил булькающий звук, с которым новая порция отравы выливалась в стакан. – Там, в подсобке, в моем халате бумажка, на ней карта...

– Совсем другое дело, одного не пойму, вот зачем надо было до этого доводить?! – он вернулся с листиком, сложенным несколько раз. Развернул – схема каких-то коммуникаций, шахта лифта, лестница. – Это все на заводе? Отвечай!

Казалось, бармен вот-вот потеряет сознание. Неподвижные глаза с расширенными зрачками мутнели, как осадок в бутылки с суррогатом, тело медленно оседало, еще немного и стул перевернется, сбросит...

– Где это? Где она?

– Завод. Посреди двора вход, там все есть... – скорее догадался, чем услышал он перед тем, как тело бармена с грохотом свалилось на пол, попутно завалив несколько стульев.

Побороть отвратительные ощущения не удавалось, не могла даже большая порция водки, нормальной, не той, что из пластика. Пожалуй, можно было повторить, рассчитывая, что вторая поднимет настроение, но это не тот случай, когда следовало напиваться.

Он взглянул на расprostертое тело, повернулся, вышел из зала, зашел за стойку гардероба, снял с плечиков аккуратно

развешенный ним же самим плащ, подошел к зеркалу. На мгновение шевельнулась прозаичная мысль, возник вопрос: «А где все? Или хотя бы кто-нибудь». И вправду странно, поздний вечер, не очень-то популярное заведение, но все-таки, в определенных, так сказать, кругах... и никого. Более того, нет даже персонала. Вот старик гардеробщик и тот куда-то исчез. Один бармен, но хорошо, хоть тот остался.

Сквозь щель в приоткрытых дверях из зала выплыл протяжный мычащий звук, похоже, отголоски песни, тоскливой и печальной. Он покачал головой в раздумье, затем вернулся к гардеробной стойке, наклонился, пошарил под ней, достал телефон. Набрал номер неотложки, все-таки, пусть и нехотя, но бармен ему помог, за добро полагается платить добром.

Глава 7

Да, он действительно расслабился в последнее время, изрядно подрастерял навыки и умения. Ладно, с трудом осилил подъем по лестнице, ладно следить разучился, это куда ни шло, но чтоб более получаса искать свой тайник у себя же в квартире, это уже чересчур!

Тем не менее, все так и было. Бормоча что-то невнятное, он ползал по полу, простукивая одну за другой плитки паркета. Некоторые выстукивал по несколько раз, другие ни разу. Изредка, как ему казалось, слышал подозрительный звук, тыкал в дощечку ножом, пытался подковырнуть крышку тайника, но все безрезультатно. От этого ним овладевало раздражение, хотелось разнести гостиную со всеми скрытыми под полом секретными нишами, еще бы, ведь она там, одна, ей нужна помощь, а он что делает? Ползает по полу!

Он так увлекся самобичеванием, что когда одна плитка просто посреди комнаты подпрыгнула после того как он на нее надавил, даже вскрикнул от радости, правда, приглушенно.

Вслед за первой планкой вынуты еще две. Открылся тайник, небольшое отделенное дощечками пространство между параллельными брусьями. Заглянул внутрь – хлопья грязной паутины, толстый слой пыли, кисловатый запах плесени, да, давненько не было серьезного дела!

Запустил внутрь руку, нашарил металлический ящичек, который использовал в качестве сейфа, отодвинул в сторону, сунул руку глубже. Пыль, обрадованная возможностью полетать, веселым хороводом выплыла наружу.

Пальцы схватили мягкий сверток, отвратительно липкий, как и все внутри покрытый толстым слоем многолетней грязи. Тщательно ощупали, стало понятно – это именно то, что нужно. Хорошая новость, даже настроение заметно улучшилось. Еще мгновение и из-под пола извлечена пропитанная маслом ткань, сквозь которую отчетливо проглядывали на удивление привлекательные очертания оружия.

Развернул. На свет показался пистолет, родной брат того, что спрятан в тумбочке в прихожей, четыре обоймы, патроны насыпью и два омерзительных на вид, но очень даже полезных в хозяйстве любого толкового шпиона глушителя. Запах ружейного масла, смешанный с пылью не мог вылиться ни во что сколько-нибудь полезное. Он чихнул, громко, от всей души...

Почти сразу, будто так и было задумано, со стороны прихожей послышались звуки. Металлические, приглушенные, но очень уж отчетливые. Их источник находился у двери, точнее, с наружной ее стороны.

Внезапно изменившаяся ситуация заставила напрячься. Он замер, заставив замолчать такое гулкое, такое беспокойное сердце. Помогло. Звуки стали громче, четче, понятнее. Среди нахлынувшей тишины прозвучал легкий скрежет, с

ним характерное позвякивание. Фоновым шумом на все это накладывались приглушенные голоса, слов не разобрать, но если судить по интонации – ругательства.

В тот же миг за дело взялось воображение. Не особо стараясь, оно выдало причину шума, нарисовало картину того, что происходило там, у входа в квартиру. Что тут думать, кто-то пытается отпереть дверь. Его дверь! Кто-то у кого достаточно усидчивости, но не хватает опыта, ковыряет в замке отмычкой, а другой пытается ему помочь, своеобразно, советами.

Отчетливый щелчок. Механизм массивного, как утверждал продавец, английского, неподдающегося никаким способам взлома, замка провернулся. «Не такие они и неопытные!» – промелькнула логичная мысль, ее подтвердил второй щелчок. Замок сдался. Следом прозвучал лязг (глухой и как бы холодный) отодвигаемой щеколды. Далее тишина, полная, абсолютная.

Он почувствовал особый азарт, острое чувство, которое может испытать разве что охотник на хищника, человек суровой профессии, прекрасно понимающий, что в любой момент и сам может стать дичью. Непередаваемые ощущения, бодрящие и успокаивающие одновременно. Давненько у него такого не было!

Спокойно, будто ничего не происходит, он вынул обойму, убедился в том, что патроны на месте, вернул ее обратно, привычным движением снял с предохранителя, оттянул за-

твор. Поднялся. Двигаясь боком, стараясь ступать беззвучно, направился в прихожую. Несколько шагов и он на месте. Замер в углу, глаза, не мигая, уставились на полоску света, вливающегося в квартиру через щель (неужели лампочку на лестничной площадке вкрутили?).

Глаза контролировали ситуацию, руки же машинально навинчивали глушитель. Порядок, оружие готово. Шаг другой и он у входа, остановился, поднял пистолет, прицелился, выдохнул, готовый в любой момент выстрелить.

Полотно двери слегка качнулось. Звякнула, натянувшись, цепочка, послышалась возня с другой стороны, наверняка вот-вот в щель протиснут кусачки, а то и вовсе гидравлические ножницы, уберут последнее препятствие, в помещение ворвутся неизвестные и тогда...

Время шло, но ничего не происходило. Он ждал. Прислушивался, но ничего не слышал. Причем не только ничего подозрительного, а и вовсе ничего.

Вот и оно – звук. Шаги. Неспешные, шаркающие. Он нагнулся, прицелился, палец мягко коснулся спускового крючка, сердце застыло, стараясь не создавать излишнего шума.

– Эй, хозяева! Кто-нибудь дома? – прозвучало в абсолютной тишине. Хриплый голос, женщина, да еще и в возрасте. – А у вас не заперто!

Дверь качнулась, закрылась, снова приоткрылась. Новая порция старушечьего бормотанья, за ним стук, тихий, неуверенный. Он подошел ближе. Прижался к стене, держа ору-

жие наготове. Вытянул шею, взгляделся в глазок. За тонкой преградой покачивалась человеческая фигура – женщина, облаченная в халат отвратительного сиренево-фиолетового цвета, из-под которого проглядывали темные мужские брюки. Довершали портрет короткие жидкие седые волосы и очки в роговой оправе (наверняка им лет не меньше, чем хозяйке). Знакомый облик – соседка с нижнего этажа. Удручающе-любопытная особа...

– Да, внимательная вы наша, я знаю! – крикнул он, безрезультатно пытаясь засунуть пистолет в задний карман брюк, тяжелое оружие так и норовило вывалиться. – Я на минутку забежал, потому и не стал закрываться.

– Вот и хорошо, но все равно вы будьте бдительнее, в наше время осторожность – далеко не последнее дело. Вломаются чего доброго, обворуют, оно вам нужно!

– Не вломаются, у меня цепочка...

– Эта цепочка меня остановит, вас, других приличных людей. Тот же, кто захочет поживиться, легко с ней справится, – дверь качнулась, цепь с легким перезвоном натянулась, старушка прижалась к образовавшейся щели, похоже, она искренне жалела, что человеческий глаз не может выбраться из глазницы и запрыгнуть в чужую квартиру. – Это хорошо, что у вас все в порядке. Слушайте, а где ваша очаровательная подруга? Вы с ней такая пара!

– Занята она, – он заметно помрачнел.

– Понятно, – из-за двери послышался шелест бумаги, до-

бавляя нервозности, заставляя напрячься. – Слушайте, тут вам кто-то записку жвачкой прилепил, не могу прочитать, что на ней написано. Свет ужасный, а почерк...

Он перестал заталкивать пистолет в карман, бросил его на коврик, оттолкнул ногой, сорвал цепочку, распахнул дверь, выскочил на площадку. Увидел соседку, которая с горящими от любопытства глазами всматривалась в листик бумаги и неспешно отходила к лестнице. Догнал. Тронул за плечо. Старушка вздрогнула, скорчила недовольную мину и нехотя отдала свою добычу.

– Знаете, сколько живу на свете, а такого отвратительного почерка не встречала, – потухшие глаза мрачно посмотрели на него, переключились на приоткрытую дверь, снова на него. По всему видно – старушку просто распирало от любопытства. С чего бы это? – Значит, вы говорите, у вас все нормально?

– Да, конечно, спасибо огромное вам за заботу...

– Это очень даже здорово, а что в записке, что пишут? Новости-то хоть хорошие? – соседка ступила шаг в направлении открытой двери его квартиры, но заметив недовольный взгляд, нехотя попятилась обратно к лестнице. Взялась рукой за перила, обернулась. – Ладно, если буду нужна – я у себя. Не сплю, сами понимаете, возраст, бессонница, все такое...

Он кивнул и исчез в квартире, громко захлопнув за собой дверь...

– И даже если ничего не будет нужно, вы не стесняйтесь...
– окончание фразы растворилось в пустоте лестничной площадки.

Он быстро запер за собой дверь, набросил цепочку, подошел ближе к свету. Внимательно посмотрел на «отбитую» у старушки записку и непроизвольно пожал плечами. Так сказать, а стоило ли? В его руках был самый обычный лист бумаги в клетку, вырванный, что называется, «с мясом». Страница густо исписана неразборчивым мелким корявым, скорее всего, детским почерком. Ученическая тетрадь? Вне всяких сомнений. Обилие формул подтверждало правильность направления мысли – это конспект, да еще и по химии.

Плечи снова синхронно поползли вверх. Как-то так сложилось, что в последнее время именно этот жест стал его любимым и единственным упражнением в плане физкультуры. Но ведь оно и понятно, смотри, не смотри, думай, не думай, а получается, что ему на дверь прилепили листик из школьной тетради. Бессмыслица! Зачем?

Исключительно из любопытства он перевернул страничку...

– Вот, ну это же другое дело! – там был чертеж, не менее корявый, сделанный если не детской рукой, то взрослым человеком с интеллектом ребенка. Крайне примитивный рисунок – маленький квадрат, внутри большого прямоугольника. Похоже, двор, посреди которого расположилось небольшое строение, еще и обведенное красным карандашом. Во-

круг по периметру несколько кружочков, под одним из них написано «освещение». Меж двух пометок, обозначавших, как легко догадаться, фонарные столбы, черным, проведена пунктирная линия, конец которой превращался в стрелку и упирался в стену маленького квадрата. – Похоже, зря я бармена «мариновал», надо было просто подождать и инструкцию к западне мне бы на дом доставили, правда, так я раздобыл еще и план внутренних помещений.

Постепенно все становилось на свои места. Там, на другом конце города, за высокой оградой завода подготовили ловушку, капкан на него. Сделали все возможное, лишь бы он не задерживался, снабдили всей необходимой информацией, даже маршрут проложили, чтоб не заблудился. Что тут скажешь? Правильно, надо просто идти! Не подводить же тех, пока неизвестных.

Надо идти, надо! Он набросил плащ на плечи как одежду горцев – бурку. Извлек из тумбочки «будничной» пистолет, накрутил и на него глушитель, вынул обойму, осмотрел, кивнул, вставил обратно. Наклонился, поднял с пола точную его копию, извлеченную из тайника. Две руки – два пистолета. Подошел к зеркалу, взглянул на себя. Порядок. Удобная позиция, случись что – он готов отстреливаться, плюс – раньше времени оружие не увидят.

Звонкий щелчок, спрятанного внутри двери механизма замка сообщил о том, что дверь заперта. Оставлять маячок он не стал, времени не было, да и толку от него, как оказа-

лось...

За дверью квартиры этажом ниже слышалось отчетливое поскрипывание. Старый стул скрипит, да точно! Все понятно – это чрезмерно любознательная старушка. «Любит часами сидеть у дверей и подглядывать в глазок. Все видит старушенция, все знает! Нет, но подумать только, какое должно быть у человека терпение, чтоб часами смотреть на пустую лестничную площадку в надежде высмотреть что-нибудь интересное! Правда, сейчас самое время, лифт не работает, больше народу ходит, – его губы сами собой расплылись в улыбке. Он коротко кивнул. Это своего рода дань уважения, все-таки они с соседкой в некотором смысле коллеги! – А еще мне всегда было интересно, почему в ее двери глазок установлен всего в метре от пола? Как такое получилось? Полотно вверх ногами прикрутили, или так все и было задумано, для удобства, так сказать, наблюдения? Ага, из сидячего положения... Вопрос».

Промелькнула шальная мысль, захотелось что-то сделать, учудить что-то этакое, чтобы соседка надолго запомнила, но нет, это будет, но в следующий раз. Сейчас главное дело, оно на первом месте.

Двор. Припаркованная у самого подъезда машина. Тишина, но тишина часто обманчива! Стараясь не входить в овал жиденького света, создаваемого несколькими мутными покачивающимися даже в безветрие фонарями, он подошел к своему авто. Медленно обошел вокруг. Прислушался. Нико-

го. Снял плащ, бросил на капот, туда же последовал один из пистолетов, второй в руке. Лег на грязный асфальт, осмотрел днище. Тот же час выплыл из недр памяти давний инцидент, схожая ситуация: ночь, унылое спокойствие, подмигивающий светодиод в районе топливного бака, предвестник мгновенной смерти. Сразу же закралось сомнение в подлинности воспоминания, но это ладно...

Все спокойно, тем не менее, надо было спешить. Он резко выпрямился, подхватил плащ, пистолет, запрыгнул в салон, включил зажигание. Густо заставленный машинами жильцов двор остался позади...

Туман становился гуще, туман становился плотнее. Окутали серые хлопья мчавшееся авто, погасили ходовые огни, скрыли силуэты ночных домов. Казалось, нет вокруг ничего, вообще ничего, кроме одного единственного, романтичного и пугающего одновременно природного явления – седого непроглядного тумана.

Над центральной улицей города неплохо поработали дорожники. Уложили новый асфальт, удивительно ровный, непривычно гладкий, правда, до разметки у них руки пока не дошли, но ведь не надо требовать от них сразу слишком многого! Хотя...

«Едешь, а куда? Так бы хоть по линиям ориентировался! – бормотал он, внимательно вглядываясь в пустоту. – А еще не лишним было бы об освещении подумать, добавить фонарей, включить те, которые уже установлены. Сразу и не раз-

берешь, что это, то ли экономия, то ли обычная бесхозяйственность».

А туман все клубился, не интересовали его проблемы и трудности одного единственного ворчливого водителя. Время стремительно мчалось вперед, авто плавно катило по городу, ничего не менялось, светлее не становилось, разметка не появлялась, черный асфальт сливался с серостью тумана, создавая иллюзию абсолютной пустоты. Смотришь по сторонам и так легко поверить в то, что не существуют ни земля, ни небо, что парит авто в пространстве и нет в этом мире места законам физики.

Тишину салона разбавил спокойный женский голос. Навигатор. Умный прибор что-то там подсчитал и пришел к выводу, что поездка подошла к концу, подмигнул экраном, доложил и сразу же отключился. Его миссия выполнена.

Обрадованный тем, что стекло двери опустили, туман забрался в просторный салон. Воздух внутри отяжелел, насытился влагой, паром, порождая непреодолимое желание закрыться, запереться, отрезать уютный мирок автомобиля от влажной сырости весенней ночи.

Ему же было не до тумана. Он откинулся на спинку, глубоко вдохнул и медленно закрыл глаза, пытаясь ни о чем не думать, стараясь прогнать все мысли, все, без каких-либо исключений. Привычка, давняя привычка – перед выполнением задания необходимо полностью очиститься. Лишние мысли, они как лишний груз, давят, мешают, сбивают с рит-

ма, а уж этого допустить никак нельзя.

Краткую медитацию прервали. Писк телефона. Опять письмо.

Он вздрогнул, схватил светящийся аппарат. Тот же электронный адрес. Снова видео. На этот раз не было удручающей темноты, стимулирующей воображение. Была лишь она. Все в той же позе, руки пристегнуты к трубе у потолка, усталость на лице и взгляд полный боли, мольбы и надежды.

Несколько секунд неизвестный снимал девушку, медленно ходил вокруг нее, стараясь выбрать наиболее эффектный ракурс. Свободная рука самодеятельного оператора с синюшного цвета длинными и кривыми пальцами тянулась к ней. Казалось, еще мгновение и схватит ее, как минимум, прикоснется...

Подмигнул экран. Исчез мрачно-серый подвал. Его место заняли кучевые облака, медленно бредущие по бескрайнему насыщенно-синему небу – любимая заставка...

– И опять-таки это ловушка, вне всякого сомнения, ловушка! Капкан. Простой, я бы даже сказал, бесхитростный. Более того, они и не пытаются этого скрыть, – на решительном лице не дрогнул ни один мускул. – Ловушка, но я просто-таки обязан в нее попасть. Ничего, готовьтесь, я уже иду, только знайте, еще не факт, что это капкан на меня, как бы вы сами в него не угодили!

Дождавшись пока погаснет экран телефона, единственный источник света во всей округе, он вышел, глубоко вдох-

нул влажный воздух, поежился. Захлопнул дверь, открыл багажник. Включил тусклую лампу подсветки. Снял плащ, аккуратно сложил его на запаске. Надел жилет с множеством «разнокалиберных» карманов. Педантично проверил их содержимое. Кивнул. Оттянул уголок обивки, извлек из тайника две световые гранаты, охотничий нож, кастет. Кровожадно улыбнулся в темноту. Поднял коврик багажника, убрал фанерку, скрывающую продолговатую нишу, там оказался дробовик, «Винчестер», весьма эффективное оружие в ближнем бою. Общий воинственный вид дополнил патронташ. Представляя, как внушительно все это выглядит, он ухмыльнулся мрачной ухмылкой, гримасой, которая не сулила ничего хорошего тому, кто решится стать у него на пути. Схватил большой моток веревки с крюком, бросил на крышу авто.

– Ну, теперь можно хоть в капкан, хоть ловушку!

Последний штрих – поверх амуниции надет плащ, застегнут на все пуговицы, хитроумным узлом завязан пояс. Так должно быть, это же своего рода униформа, да и плащ не «пустой» – в карманах два пистолета, шесть запасных обойм, несколько десятков патронов насыпью, что называется, на всякий случай. Ну и еще одна деталь – он надел шляпу, натянул как можно сильнее, чтоб не слетела. С силой захлопнул крышку багажника. Хлопок отозвался многоголосым эхом, отвратительным звуком, напоминающим зловещий металлический смех.

Порядок. Подхватив моток веревки, он решительным шагом направился в туманную мглу. Остановился, пройдя лишь несколько шагов. Огляделся – ничего не видно. Включил фонарик. Несколько раз мигнул глазами. Выключил. Секунды было достаточно, чтобы убедиться в том, что и так было понятно – пользы от искусственного света никакой, без него даже чуточку лучше, как минимум, спокойнее.

Мысленно выругался. Выставил вперед руку. Прошел еще несколько метров. Остановился. Пальцы коснулись чего-то твердого и холодного. Это туман преобразился. И без того плотный серо-свинцового цвета он стал гуще и обрел несвойственную природному явлению шершавость. Из тумана, такая же серая и унылая, выплыла высокая бетонная стена, ограждающая промышленную зону. Вот она, цель!

С приглушенным металлическим звоном раскрылись клешни трезубого крюка. Сильный замах и блестящая железка утащила с собой в темноту веревку. Послышался отвратительный шипящий звук, пробиваясь сквозь непроглядный мрак, заиграли отблесками разноцветные искры.

– Похоже, ограда под напряжением, – он вздрогнул, представляя, как его тело падает на колючую проволоку, как через него проходит мощный разряд электричества. – Скорее, была под напряжением, ключевое слово «была». Нет, точно была, крюк ведь железный, судя по всему, случилось замыкание. Да, так и произошло, жаль только о моем прибытии уже всем известно, хотя они и раньше не сомневались...

Несколькими выверенными движениями он проверил надежность «кошки». Рывок, еще рывок – порядок, ни электрического треска, ни ярких искр. Наверху, во тьме, в тумане послышался тихий перезвон – металлические клешни стучали по бетону, не позволяя веревке сорваться. Можно выдвигаться.

Упираясь ногами в пирамидальные выступы на поверхности плиты, он карабкался наверх. Уже через секунду вытянутая вперед рука наткнулась на холодную сталь. Уголок, окантовка надежного, но хрупкого бетона. Судя по всему, выше аккуратными кольцами закреплена та самая «колючка». Надо как-то через нее перебраться, желательно, с минимальными потерями...

Пока он размышлял, как справиться с поставленной задачей, ситуация вновь изменилась, причем самым непредсказуемым образом. Массивная плита оказалась не столь надежной, как можно было подумать. Она дрогнула, прогнулась и медленно начала оседать.

Беззвучно и чуточку даже величаво бетонный прямоугольник накренился, повис, заняв практически горизонтальное положение, закачался, удерживаемый мотками кабелей и той самой «агрессивной» проволокой.

Лишь только движение прекратилось, ознаменовав финал падения приглушенным охающим звуком, он оттолкнулся от шаткой плиты, вскочил на ноги, ступил шаг вперед, подпрыгнул, рассчитывая перелететь через острые колючки. Ис-

кренне расстроился, услышав, скорее, почувствовав, как на них остается внушительный клочок ткани...

– Нет, конечно, плащ для хорошего шпиона это первое дело, но порванный плащ! Тут уже вопрос не имиджа, а просто-таки профессиональной этики... – пробормотал он, представляя, как отвратительно выглядит дыра, по краям которой свисают нитки. – И что я такое несу?! Какой плащ, какая этика! Она в опасности! Спешить надо!

Судя по ощущениям, это была трава. Недавно выбравшаяся из-под земли, мягко пружинила она, позволяя ступням глубоко проваливаться в живой природный ковер. Несколько мягких шагов и ее сменил асфальт. Под ногами зашуршал песок, намекая на то, что идти надо осторожнее, как минимум, ступать тише.

Несколько метров сравнительно ровного покрытия и из густого облака тумана выплыл угол здания. Высокая стена, ее верхушка терялась где-то в белесом сумраке. Руки тщательно ощупали находку – ничего сколько-нибудь необычного. Подоконник, накрытый тонкой жестянкой. Приоткрытое окно, зафиксированное куском кирпича.

«Странные люди, весна только началась, а они сквозняк устроили! И ладно еще вентиляция, но кирпич...» – глупая мысль появилась и тут-таки погасла. Вместо нее вспыхнули огоньки. Тусклые, они висели в воздухе, слегка скрытые живым и колышущимся туманом. Четыре светлячка в седой мгле, если присмотреться, можно разглядеть еще несколько,

только те дальше и, кажется, ниже...

«Огни по периметру «прямоугольника», не иначе!» – осенило его. Огоньки тут-таки погасли. В тишину ночи ворвался звук. Громкий, отчетливый, наверняка его транслирует какое-то мощное оборудование. Тиканье часов. Выверенное, размеренное. Невидимый часовой механизм принялся отсчитывать секунды. Обратный отчет? Намек на то, что время быстротечно? Но это и без намеков ясно!

Несколькими быстрыми движениями он расправил плащ, поднял воротник. Снял шляпу, резко взмахнул нею, прогоняя сомнения. Надел обратно. Низко надвинул на глаза. Представил себя, попытался увидеть со стороны. «Жаль свет отключили, можно было хоть с отражением свериться», – как много глупых мыслей таится в беспросветной мгле безлунной ночи...

Туман упивался безраздельной властью, захватил он город, поглотил, спрятал в густой непроглядной дымке. Туманная ночь – лучшее время для темных дел, для злых начинаний, все скроет она от любопытных глаз, поможет спрятаться злоумышленнику, заметет следы. Гордится белесая пелена своей особой миссией, наслаждается нею, ведь в такие часы она уже не просто водяной пар, витающий в воздухе, она сила, реальная, живая, ощутимая не только на физическом уровне. Сковывает движения, делает все происходящее нереальным и чуточку мистическим. Впрочем, причиной очевидных неудобств может быть все тот же плащ...

Стоять и ждать чего-то, было сродни преступлению. Он и так слишком задержался. Решительный шаг в густоту тумана, еще один и в блеклой серости растаяла стена. Все превратилось в один сплошной непроглядный мрак с изрядно надоевшим привкусом отвратительной сырости.

Два десятка шагов в неизвестность. Вытянутые вперед руки наткнулись на препятствие. Он остановился, ощупал плоскую шершавую поверхность, задумчиво хмыкнул. Похоже, это именно то, что нужно. Осторожно, часто прикасаясь кончиками пальцев к колючему бетону, двинулся вперед.

Тут-таки ярко вспыхнул свет, прогоняя тьму и разрывая в ключья клубы водяного пара. Свет был везде. Подмигивали мощные лампы, сияли, яркость свечения усиливалась, лучи слепили, заставляя закрывать глаза. Создавалось впечатление, что это и не фонари вовсе. Казалось, это прожекторы, их коварные лучи мечутся по ночному двору, выискивают его, да уже нашли!

Шершавый бетон сменился холодным металлом. Настроение сразу улучшилось, но ненадолго. Пусть цель близка, но свет все разгорался, кто знает, сколько любопытных глаз уже увидели его? Сколько мрачных, до зубов вооруженных охранников уже спешили к нему? Поможет ли ему тот скромный арсенал, что был рассован по карманам, если на него набросится разом вся охрана предприятия? Вряд ли...

Не обращая внимания на панические настроения, руки продолжали искать выход из создавшегося положения. Пла-

номерно и тщательно пальцы изучали лист стали, закрывающей проход. Вот удалось нащупать ручку. Ухватившись обеими руками, он потянул дверь на себя. Где-то там, в глубине помещения скрытого за толстым металлом что-то за скрипело. Дверь не подавалась. Рывок. Снова скрип, но уже протяжный и какой-то даже тоскливый, кроме того тяжелое полотно чуточку сдвинулось с места. Еле заметно, почти неощутимо. Этого оказалось достаточно, чтобы к толике надежды прибавилась уверенность. Если дверь покачнулась, если удалось сдвинуть с места, то ее можно и открыть, надо только постараться.

Спокойно, но с силой он потянул на себя железную скобу. Сильнее, еще сильнее. За дверью противно за скрипело, что-то электрическое запищало. Монотонно, будто отрешенно. В тот же миг фиксаторы выпустили стальное полотно. Свершилось – проход открыт, нужно только сделать шаг.

Сопровождаемая тихим печальным скрипом, дверь закрылась. Снаружи остался яркий свет, отделенные толстым металлом, растворились в тишине звуки, смолкло монотонное тиканье, навязчивое напоминание о быстротечности времени. Стихло все, но отзвуки остались. Невидимые часы засели у него в подсознании. Продолжали тикать они, задавливая настроение, заставляя спешить.

Прошло еще несколько секунд. Ситуация понемногу менялась, тьма уже не казалась столь густой и непроглядной. Привыкшие к отсутствию освещения глаза различали еле за-

метное свечение, тусклое и рассеянное, оно шло откуда-то снизу, меркло, пробираясь сквозь хитросплетение ступеней, перил, труб, свисающих сверху кабелей. В этом блеклом намеке на свет удалось разглядеть фрагмент ограждения лестницы, часть стены, какую-то сетчатую конструкцию, пол, сменяющийся ступенями.

Даже той крупницы сведений, что удалось собрать широко раскрытым глазам, хватило, чтобы обрести уверенность в себе. Опираясь на размытые кадры, что удалось вырвать зрению из тьмы, заработало воображение, дополняя окружающий мирок яркими подробностями. Небольшое усилие и он уже достаточно отчетливо представлял, где находится – небольшое квадратное помещение, собственно, лестничная площадка. Он на вершине колодца, уходящего куда-то глубоко вниз.

Лестница. Ступени, множество ступеней. Стоило дать волю фантазии, как она дорисовала еще одну существенную деталь, базируясь на фрагменте с сеткой. Он, то ли увидел, то ли представил раздвижную дверь кабинки лифта. Да, наверняка так и было, вряд ли люди каждый день «своим ходом» спускались в подземные залы, расположенные на огромной глубине. Тут пока окажешься внизу, пока отдышишься, пока сможешь взяться за работу, так уже и конец трудового дня. Кстати, обратная дорога и вовсе сродни каторге!

– С этим все понятно. За них я спокоен, пусть себе на лифте катаются, вверх-вниз, я же пройду, прогуляюсь. Ка-

бинка слишком тесная, там развернуться негде, а раз уж я решил позволить загнать себя в ловушку, то хоть сам выберу каковы ее размеры, – пробормотал он, прислушиваясь к слабому шуму, доносящемуся как раз оттуда, где фантазия рисовала лифт в темноте.

Звук становился отчетливее, подозрительный, будто бы шаги, но слишком уж робкие, вялые какие-то, неуверенные. Они не приближались и не удалялись. Кто-то топтался на месте? Переминался с ноги на ногу? Нервы? Возможно.

Глава 8

Колоритный персонаж, ничего не скажешь, тот из-под простынки! Мужчина, на вид лет сорока плюс минус два-три года, худой, нет, неимоверно худой, по такому можно строение человеческого тела изучать без плакатов и наглядных пособий. Хрупкий на вид, казалось, дай ему в руки что-нибудь тяжелое, да хоть чемодан среднего размера, так он попросту сломается, ровненько так, пополам. Все худое будто высохшее: тело, конечности, лицо, черты лица. Даже редкие волосы и те казались таковыми исключительно из-за того, что слишком тонкие, если не сказать, худые.

Болезненная бледность, подчеркнутая прогрессирующей дистрофией. Жидкая спутавшаяся шевелюра. Обтянутые кожей острые скулы. Оттопыренные и торчащие в стороны локаторы-уши, что просвечиваются на свету. Бесцветные глаза, лишённые не только пигмента, но и выражения. Уже этого достаточно чтобы чувствовать к данному индивиду устойчивое омерзение, а ведь можно еще вспомнить, что тот недавно выбрался из-под простыни. Жуть!

Наверняка этот субъект и сам понимал, какое производит впечатление на окружающих. Более того, оно его вполне устраивало. Нравилось ему читать отвращение на лицах случайных людей, упивался он этим, чувствовал какое-то особое наслаждение.

Так и в тот раз. Уже несколько минут пустые бесцветные глаза буравили безучастным взглядом свою новую жертву. Похоже, она мало его интересовала, во всяком случае, как человек, как женщина. Бесцветные глаза на долю мгновения задержались на округлости груди, лишь немного прикрытой откровенной блузкой, кажется, в них вспыхнул слабый отблеск желания, но нет, мигнули они и тут-таки вновь утратили всяческую осмысленность.

Скоро тому надоело пугать потенциальную жертву одним только своим видом. Угловатая, обтянутая полупрозрачной кожей голова кивнула, будто упала. Такие же бесцветные, как и глаза, худые губы прошептали несколько невнятных слов и растянулись в подобии улыбки.

Немного помолчав, он стер с лица слабый намек на эмоцию, отступил на пару шагов, остановившись на границе света и тени. Окинул взглядом ее, свою жертву. Отошел еще назад, во тьму, подтянул к себе металлический столик на колесах. Подобную передвижную мебель используют официанты, чтобы развозить еду изголодавшимся постояльцам отелей, вот только вряд ли в тот раз там было что-то вкусненькое.

Немая сцена. «Худой» наклонился над своим столиком. Дрожащие руки застыли над накрытой белоснежной салфеткой столешницей, поза богомола, поза заставляющая нервничать. Трудно не поддаться панике, теряясь в догадках, боясь представить, что находится под тонкой тканью, не реша-

ясь даже в мыслях признаться себе в том, что под ней наверняка что-то страшное, омерзительное. Плюс ко всему это загадка, своего рода неизвестность, а что пугает больше неизвестности!

Время шло. Пауза явно затянулась. Статичность картины угнетала. Все так же бесцветные глаза смотрели в пустоту. Худые руки дрожали, худое лицо не выказывало эмоций, лишь еле заметная в неярком свете подземелья, мерно вздрагивала пульсирующая жилка на виске.

За всем этим наблюдали бездонные ее глаза. Она стояла, пристегнутая наручниками к водопроводной трубе, проходящей под самым потолком. Большая высота, если бы не острые шпильки каблучков, она бы попросту повисла на стальных браслетах, кольца которых глубоко впились в нежную кожу.

Уже не первый час она так висела – сильно побелели пальцы, лишённые притока свежей крови, не сгибались они, не шевелились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.